

Зарубежный
Женский
детектив

НОРА РОБЕРТС
ЯСНОВИДЯЩАЯ

Нора Робертс Ясновидящая

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11297318
Ясновидящая / Нора Робертс: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-82101-3*

Аннотация

Как давно Виктория Боден не сидела на крыльце, глядя, как в небе загораются звезды! Приятно снова ощутить старые скрипучие доски родительского дома босыми ногами. Восемнадцать лет назад она сбежала отсюда. Хрупкая девушка с кроткими серыми глазами однажды ночью «увидела во сне» трагическую смерть лучшей подруги и не смогла справиться с потрясением, когда наутро полицейские обнаружили ее тело. Тогда бабушка рассказала Виктории, что все женщины в их роду обладают чудесным даром ясновидения. Чудо это или проклятие? Чью тень она разглядела у тела подруги? Как отомстить за ее смерть? С тех пор вопросы сыпались на Викторию со всех сторон. Она вернулась, чтобы найти на них ответы...

Книга также выходила под названием «Луна над Каролиной».

Содержание

Часть I	5
1	5
2	12
3	20
4	27
5	35
6	44
7	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Нора Робертс Ясновидящая

Nora Roberts
CAROLINA MOON

Copyright © Nora Roberts, 2000. This edition published by arrangement with Writers House and Synopsis Literary Agency.

© Павлова М., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Часть I Тори

*Не властно над тобою
время лет.
Краса твоя нежна,
как в утро жизни.*

Уильям Шекспир

1

Она снова перевоплотилась в тело мертвой подруги. Девочке тогда исполнилось восемь лет. Она была высока для своего возраста, тонкая в кости и с тонкими же чертами лица. Шелковистые волосы напоминали цветом пшеницу и красивой волной ниспадали на узенькую спину. Каждый вечер мама любовно расчесывала их. Сто прикосновений мягкой щетки в серебряной оправе, которую она брала с изящного туалетного столика вишневого дерева.

Она хорошо помнила каждое прикосновение и при этом воображала себя кошкой, которую ласково поглаживают по голове. И помнила, как свет преломлялся на перламутровой шкатулке для заколок, в хрустале флаконов и как прыгали зайчики, отраженные серебряной оправой щетки.

Она вспомнила, как пахло в комнате, аромат гардении, которому мама отдавала предпочтение, словно бы витал в воздухе до сих пор.

А в зеркале, при мягком свете лампы, она могла видеть овал лица, такого хорошенького, – задумчивые голубые глаза и гладкая нежная кожа. Лицо, полное жизни.

Звали ее Хоуп¹.

Окна и французские двери были закрыты, потому что стояло знойное лето. Жара давила своими влажными пальцами на стекла, однако в доме было прохладно, и накрахмаленная ночная рубашка шуршала при каждом движении. А ей хотелось окунуться в жару, хотелось приключений, но она таила эти желания в себе и поцеловала маму, пожелав ей спокойной ночи. Легонько клюнула в душистую щеку.

Мама распорядилась снять дорожки с пола и отнести их на чердак, как это делали всегда в июне. Девочка босыми подошвами чувствовала, как гладки сосновые навощенные половицы, когда осторожно прошла через холл с панелями из кипариса и картинами в потускневших золотых рамах. Она поднялась по витой лестнице в кабинет отца.

Здесь привычно пахло табачным дымом, кожей кресел и виски «Бурбон». Девочке нравился кабинет с его закругленными стенами, тяжелыми, массивными стульями, обитыми кожей цвета портвейна, который папа пил иногда после ужина. Закруглявшиеся вдоль стен полки были забиты книгами и разными ценными диковинками. Она любила человека, сидевшего за огромным столом с сигарой во рту, со стаканом в руке, склонившегося над счетами.

В ее любви к нему было что-то женское, нечто томительное и ревнивое при всей незамутненности и полноте чувств. У него был раскатистый голос, сильные руки и мускулистая грудь. И объятие его было совсем иное, чем нежный и сдержанный мамин поцелуй.

¹ **Hope** – «надежда» (англ.). (Здесь и далее примеч. перев.)

- Вот и моя принцесса, которая отправляется в царство грез.
- А что мне приснится, папа?
- Рыцари, белые кони и морские дали.

Девочка, услышав привычный ответ, хихикнула, но ее голова на его плече задержалась дольше, чем обычно. Неужели она предчувствовала, что больше никогда не будет вот так, в безопасности, сидеть на его коленях? А потом она спустилась по лестнице и прошла мимо комнаты Кейда. Брат еще не спит. Ему еще не время ложиться, потому что он на четыре года старше ее и он мальчик, поэтому долго не спит летними вечерами и смотрит телевизор или читает, сколько ему заблагорассудится.

Однажды Кейд станет хозяином усадьбы «Прекрасные грезы» и займет место отца в круглом кабинете за большим столом. Он займется повседневными делами и будет следить за полевыми работами, ждать урожая и жаловаться на правительство и низкие цены на хлопок. Потому что он – сын. И Хоуп этому очень рада. Ей не хотелось бы самой сидеть за столом и складывать цифры.

Она замешкалась у двери сестры. Всегда с Фэйф² что-нибудь неладно. Лайла, экономка, говорит, что Фэйф способна перечить даже господу богу, только бы рассердить его. Да, это, наверное, правда, и хотя они с Фэйф близнецы, Хоуп не понимала, почему сестра все время злится. Как раз сегодня Фэйф велели уйти из-за стола, не дожидаясь десерта, потому что она дерзила. Дверь ее комнаты плотно закрыта, внизу не видно полоски света. И Хоуп представила, как Фэйф лежит, глядя в потолок, а руки у нее сжаты в кулаки, словно она приготавливалась боксировать с призраками.

Хоуп дотронулась до ручки двери. В большинстве случаев ей удавалось развеять мрачное настроение Фэйф. Она обычно ложилась к ней в постель и рассказывала разные смешные истории, пока сестра не начинала смеяться и слезинки в уголках глаз не высохали.

Однако сегодняшней вечер предназначен для другого. Сегодня ее ожидали приключения. Хоуп все давно спланировала и, очутившись в своей комнате, занялась приготовлениями к ним. Она погасила свет и стала переодеваться в темноте, посеребрянной луной, едва сдерживая возбуждение. Вместо ночной рубашки она надела шорты и футболку. Сердце часто билось в груди, пока она укладывала подушки так, чтобы они напоминали спящую фигуру. Потом достала из-под кровати свои припасы. В плетеной корзине для пикников лежала бутылка с тепловатой кока-колой, пакетик печенья, которое она утащила из кухни, небольшой перочинный ножик, спички, компас, водяной, полностью заряженный пистолет и красный пластмассовый карманный фонарик.

Она посидела немного на полу, словно бы собираясь с духом. До нее едва слышно доносились звуки музыки из маминой гостиной. Поднимая оконную раму, Хоуп улыбнулась. Юная, ловкая, полная предвкушений, она перекинула ногу через подоконник и нащупала большим пальцем опору в буйных зарослях плюща. Влажный, сладкий от аромата цветов воздух наполнил легкие, пока она спускалась вниз. Ветка впиалась в подошву, и она зашипела от боли, но продолжала спускаться, напряженно глядя на освещенные окна первого этажа. «Я промелькну, словно тень, – подумала Хоуп, – и никто меня не увидит».

Она – Хоуп Лэвелл, девочка-шпионка, и у нее назначена встреча с ее связной ровно в десять тридцать пять.

Хоуп подавила смешок, едва не задохнувшись от переполнявшего ее веселья, и в тот же момент коснулась ногой земли.

Ее волнение еще больше возросло, когда она отпрыгнула в сторону и быстро спряталась за мощные стволы величественных старых деревьев, осенявших тенью дом, а затем, осторожно выглянув, посмотрела на слабый голубой отсвет, пульсировавший в окне у брата,

² Faith – «вера» (англ.).

сидящего перед телевизором. А потом Хоуп взглянула наверх – в комнатах отца и матери окна мягко светились. Родители проводили вечер порознь.

«Если меня сейчас увидят, то задание окончится провалом», – подумала девочка и согнулась в три погибели, пробегая через сад. Любой ценой она должна добраться до места встречи, потому что сейчас судьба всего мира зависит от нее и ее верной подруги.

Женщина, воплотившаяся в девочку, умоляюще вскрикнула: «Вернись! Пожалуйста, вернись!» Но девочка ничего не слышала. Она выкатила из зарослей камелий свой розовый велосипед, положила корзинку в багажник и повела велосипед по густой траве, окаймляющей длинную подъездную дорожку, усыпанную гравием. Дом и огни постепенно отдалились и потускнели.

И тогда она понеслась как ветер, воображая, что ее маленький велосипед – мощный мотоцикл, оснащенный баллоном с нервно-паралитическим газом и скользким от смазки автоматом. Она летела, разрезая густой воздух, а лягушачий хор и стрекот цикад казались ей грозным рыком воображаемого мощного мотоцикла.

На перекрестке Хоуп свернула налево, затем легко прыгнула на землю и направилась по узкой дорожке к зарослям кустарника, где легко можно было спрятать велосипед. Хотя луна светила довольно ярко, она вынула из корзинки фонарик. Улыбающаяся с циферблата часов принцесса Лия дала ей знать, что она приехала на пятнадцать минут раньше срока. Бесстрашно, бездумно Хоуп свернула на тропинку, ведущую к болоту, и пошла навстречу концу лета, детства. Жизни.

Мир здесь был полон звуков: шумела вода ручьев, стрекотали насекомые. Свет фонарика терялся в чаще шелковичных деревьев и кипарисов, с которых ключьями свисал мох. Цветы магнолии источали пряный, сладкий аромат. Путь к тайному месту их встреч был хорошо знаком, и она уверенно двигалась по просеке вперед.

Она пришла первой и поэтому, взяв сухих веточек и прутиков из заранее приготовленной кучки, принялась разжигать огонь. Дым отогнал комаров, и она стала ждать подругу с бутылкой колы и печеньем.

Шло время, и глаза у нее стали слипаться под убаюкивающую музыку болот. Огонь проглотил прутья и угомонился, тихонько шипя. Поддаваясь дремоте, она положила голову на колени, подтянутые к подбородку.

Сначала какие-то неясные звуки были частью сна, а снилось ей, как она петляет по улицам Парижа, чтобы избежать встречи с коварным русским шпионом, но, когда под чьей-то ногой хрустнул сучок, она рывком подняла голову, и сон отлетел, словно его и не бывало.

– Пароль!

На болоте воцарилось молчание, если не считать монотонного жужжания насекомых и слабого потрескивания умирающего огня.

Хоуп поднялась на ноги и нацелилась на кусты фонариком, словно револьвером.

– Пароль! – крикнула она снова.

Но теперь шорох раздался сзади. Девочка круто обернулась, сердце у нее подпрыгнуло, и лучик фонарика нервно заплескал на кустах. Страх, который так редко ей приходилось чувствовать за короткие восемь лет, обжег горло.

– Выходи, перестань прятаться. Ты меня не испугаешь.

Теперь раздался звук слева, словно кто-то насмешливо хмыкнул. В животе девочки змеиным клубком шевельнулся страх, и она отступила назад. И услышала совсем рядом смех, тихий, хриплый.

Она бросилась бежать сквозь тени, а злое шепотом прыгал в руке. Ужас душил крики в горле. Кто-то, шумно дыша, бежал за ней. Быстро, очень быстро и уже очень близко. Потом ее что-то ударило сзади. Боль пронзила спину, и девочка упала. Рыдание вырвалось из ее груди. Тяжесть его тела пригвоздила ее к земле. Она почувствовала запах пота и виски.

Теперь Хоуп закричала, долгим отчаянным криком звала подругу:
– Тори! Тори, на помощь!
И женщина, плененная в теле мертвого ребенка, разрыдалась.

Очнувшись, Тори увидела, что лежит на вымощенном каменной плиткой полу внутреннего дворика, а на ней лишь ночная рубашка, уже промокшая под весенним дождем. Лицо у нее тоже было мокрым от слез. Крики отдавались эхом у нее в голове, и Тори никак не могла понять, кто кричит – она сама или испуганная до смерти девочка, которую она не может забыть.

Тори перекатилась на спину, подставив дождю лицо, чтобы он охладил пылающие щеки и смыл слезы. Такие видения лишали ее сил, оставляли с ощущением, что ее сейчас стошнит. Раньше она умела преодолевать наваждения, иначе приходилось испытывать жгучую боль от ударов отцовского ремня.

– Я из тебя изгоню дьявола, девчонка!

Ханнибалу Бодену дьявол чудился повсюду. В каждом поступке и соблазне он видел руку сатаны. И старался изо всех сил, чтобы изгнать эту дьявольскую скверну из своего единственного ребенка.

Чувствуя боль в животе и тошноту, Тори почти пожалела, что ему это не удалось. Ее удивляло, что в течение нескольких лет она словно лелеяла в себе эту странность, пыталась уяснить, что это такое, даже радовалась ей. «Это наследие предков, – говорила ей бабушка. – Особенный дар, передающийся кровным путем».

Но еще была Хоуп. И чем дальше, тем она вспоминалась все чаще, и эти воспоминания о подруге детства жгли сердце. И пугали. То, что случилось с Хоуп, постоянно преследовало ее. И она давала себе обещание, что не допустит вновь этих перевоплощений, которые изнурили ее, лишали сил. Однако вот она лежит распростертая на каменном полу патио, под дождем, не имея ни малейшего представления, как очутилась тут. Она была в кухне, где горел свет и играла музыка, заваривала чай и одновременно читала письмо от бабушки. Оно и подействовало как спусковой крючок, поняла Тори, медленно поднимаясь на ноги. Бабушка связывала ее с детством. С Хоуп. С перевоплощением в Хоуп, подумала Тори, закрывая дверь во внутренний дворик. В воплощенные боль, страх и кошмар той ужасной ночи. И до сих пор она не знала, кто это сделал и почему.

Все еще дрожа, Тори вошла в ванную, разделась, включила горячий душ и стала под струю.

– Я не могу помочь тебе, – прошептала она, закрывая глаза, – не смогла тогда, не могу помочь и теперь.

Ее лучшая подруга, сестра ее души, погибла в ту ночь в болотах, а она сама, запертая на ключ в своей комнате, рыдала после очередной порки. А она ведь знала, она все видела как наяву. И ничего не могла сделать. Была беспомощна. И ее затопило чувство вины, такое же острое, как восемнадцать лет назад.

– Я не могу ничем тебе помочь, – повторила Тори. – Но никогда тебя не забуду.

Воспоминания нахлынули на нее, унесли в то лето, когда им было по восемь лет. В то давнее знойное лето, которое, казалось, никогда не кончится. То было беззаботное лето их невинных забав и дружбы – сочетание, которое накидывает на мир вокруг розовый покров. Но однажды ночью все изменилось.

Тори перенеслась на много лет назад, почувствовала себя маленькой девочкой.

Хоуп была моим лучшим другом. Наша взаимная привязанность была глубока, непосредственна и пылка – на такую способны только дети. Полагаю, мы казались странной парой: блестящая, богатая Хоуп Лэвелл и смуглая, застенчивая Тори Боден. Мой отец

арендовал небольшой земельный участок, уголок огромной плантации, которой владели Лэвеллы. Когда мать Хоуп давала большой обед или устраивала изысканную вечеринку, моя помогала с уборкой и обслуживанием гостей. Однако разница в социальном и классовом положении никогда не омрачала нашей дружбы. Мы их просто не замечали. Да, Хоуп жила в богатом доме, более похожем на замок, чем на обычный особняк в георгианском стиле, столь популярном в свое время, – так заблагорассудилось одному из ее эксцентричных предков. Дом был каменный, с башнями и бойницами и широкими площадками, предназначенными, наверное, для схваток с врагами, на случай, если они ворвутся. Но в самой Хоуп не было ничего от принцессы.

Она жила мыслью о приключениях, и я, подпав под ее влияние, тоже мечтала о них. С ее помощью я поднималась над бедами и распрями, царившими в моем родном доме и в моей жизни. Мы представляли себя шпионами, сыщиками, странствующими рыцарями, пиратами и космическими пришельцами. Мы были смелыми, верными, дерзкими и отважными.

Весной, накануне того лета, мы надрезали перочинным ножом себе запястья и смешали нашу кровь. Нам повезло, мы не подхватили столбняк. Вместо этого мы стали сестрами по крови.

У Хоуп была сестра-близнец, но Фэйф редко участвовала в наших играх. Для нее они были слишком глупыми, а может быть, грубыми и не подходящими для девочек. Для Фэйф они всегда были «слишком». Мы не скучали без Фэйф с ее дурным характером и капризами. В то лето мы с Хоуп стали настоящими близнецами.

Если бы кто-нибудь спросил, любила ли я ее, меня этот вопрос привел бы в смущение, я бы его просто не поняла. Но каждый день с того ужасного августа мне очень не хватало Хоуп. Так, словно с ней я похоронила часть самое себя.

Мы должны были встретиться на болоте, в нашем потаенном месте. Не думаю, что оно было такое уж потаенное, но оно было нашим. Мы там часто играли, среди мхов и диких азалий, дыша влажным воздухом болот. Нам запрещалось туда ходить после заката солнца, но в восемь лет так приятно нарушать запреты.

В тот вечер на ужин у нас был цыпленок с рисом. Несмотря на вентиляторы под потолком, в доме стояла такая жара, что кусок не лез в горло. Однако отец желал, чтобы я благодарил за ниспосланную свыше еду, даже если бы на тарелке лежала одна рисинка.

Он был большой, мой отец, с мощной грудью и сильными руками. Я слышала, что когда-то он считался красивым. Годы по-разному отражаются на внешности человека, на моем отце они сказались скверно. Они принесли с собой горечь и жестокость, под которыми скрывалась низость. Он гладко зачесывал назад черные волосы, открывая лицо, состоящее из острых углов и словно бы высеченное из скальных пород. Глаза были темные, и в них горел огонь, который я иногда замечала во взгляде некоторых проповедников, выступающих по телевидению или глаголющих на улице.

Мать боялась его. Я старалась простить ее за это, потому что из-за своего страха перед ним она никогда не приходила мне на помощь во время его попыток вбить в меня ремнем такой же страх перед его мстительным богом.

В тот вечер за ужином я сидела очень тихо, надеясь, что, может быть, он не обратит на меня внимания. В душе у меня разгоралось радостное предвкушение ночной вылазки. Я смотрела в тарелку и старалась есть не медленно, не быстро, а так, чтобы он не мог обвинить меня ни в пренебрежении к еде, ни в прожорливости. Я помню жужжание вентиляторов и позвякивание вилок. Помню молчание, молчание испуганных душ, живущих в вечном страхе.

Когда мать предложила отцу еще кусочек цыпленка, он вежливо поблагодарил ее и взял добавку. И мы вздохнули с некоторым облегчением. Это был хороший признак. Ободренная этим, мать осмелилась заговорить о томатах и кукурузе, которые так славно уродились.

Скоро надо будет закручивать консервы. В «Прекрасных грезах» тоже займутся заготовками, и, если они попросят помочь, ей, наверное, стоит согласиться? Мать, конечно, и словом не обмолвилась о деньгах, которые заработает. Это отец был кормильцем семьи, и никому из нас не позволялось забывать об этом обстоятельстве.

Мама опять затаила дыхание. Иногда одно упоминание о Лэвеллах заставляло наливать кровью темные глаза отца. Однако сегодня вечером он милостиво согласился позволить помочь при условии, что она не пренебрежет ни одной своей обязанностью под кровом, который он ей дал. Лицо матери смягчилось и стало опять почти хорошеньким. Я и теперь время от времени, если как следует напрягу память, могу вспомнить время, когда мама была хорошенькой.

– Я завтра пойду к миссис Лайле и договорюсь обо всем, – сказала она. – Ягоды поспевают, и я тоже заготовлю желе. У меня где-то есть воск, чтобы закрывать банки, но не помню точно, где он.

Наверное, мой самоконтроль ослаб во время этого миролюбивого разговора, я больше думала о предстоящем приключении и поэтому, не подумав о возможных последствиях, сказала то, что навлекло на меня родительский гнев. «Коробка с воском стоит на верхней полке шкафчика, который висит над печкой, за патокой и кукурузным крахмалом», – подумала я и машинально сказала об этом вслух и протянула руку к кружке с остывшим сладким чаем, чтобы запить липкий рис. Не успела я сделать первый глоток, как воцарилась напряженная тишина, заглушившая даже однообразно-монотонный шум вентиляторов. Я до того испугалась, что мое сердце начало стучать, словно молоток, а в ушах зазвенело от прилива крови к голове.

Отец заговорил тихо, мягко, как всегда, прежде чем впасть в ярость:

– А ты как узнала о том, где находится воск, Виктория?

Я соврала. Глупо было врать, потому что уже все погибло, но слова вырвались сами собой в отчаянной попытке защититься. Я сказала, что видела, как мама туда убрала коробку. Просто запомнила это, вот и все.

Но он без труда опроверг мою ложь. У отца было чутье на ложь, и он не оставлял от нее камня на камне. А когда я это видела? И почему я так неважно учусь, если у меня настолько острая память? И откуда мне известно, что коробка стоит за патокой и крахмалом, а не впереди них?

Мама молчала, пока тихим мягким голосом он бомбардировал меня своими вопросами, словно кулаками, обернутыми шелком. Она сцепила дрожащие руки, но не посмела возразить, встать на мою защиту. Она молчала, а отец говорил все громче и вскочил из-за стола. Она молчала, когда у меня из руки выскользнул стакан, упал на пол и разбился. Осколок задел мне щиколотку, и сквозь нарастающий ужас я почувствовала легкую боль.

Сначала отец, конечно, проверил. Когда он открыл шкафчик, отодвинул бутылки, медленно вынул квадратную коробку с воском из-за кувшинов с черной патокой, я заплакала. Тогда еще я могла плакать. И надеяться. Даже когда он рывком выдернул меня из-за стола, я еще надеялась, что наказанием будут молитвы, многочасовые молитвы, от которых онемеют коленки. Иногда – во всяком случае, тем летом – этого наказания оказывалось достаточно.

Я умоляла его о прощении, а он громовым голосом, цитируя Библию и упрекая в том, что я сею зло в его доме, тащил меня в мою комнату. Я не сопротивлялась. Не пыталась вырваться. От этого было бы только хуже. Четвертая заповедь была священна, и надо было почитать отца своего, даже если он избивает тебя до крови.

От сознания своей праведности он раскраснелся, он весь сиял от нее, как солнце. Он только ударил меня по лицу, но этого оказалось достаточно, чтобы я перестала его умолять и просить прощения. Я уже не надеялась.

Я лежала на постели ничком, покорная, как жертвенный агнец. Звук выдергиваемого из брюк ремня был зловещим, словно шипение змеи.

Он бил меня, а сам проповедовал, и голос его поднимался до оглушительного рева. В этом реве слышится отвратительное возбуждение, какое-то зловещее удовольствие, непонятное мне, но которое я слышу каждый раз во время истязаний.

Он оставил меня, рыдающую, и запер дверь снаружи. Через некоторое время, наплакавшись вволю, я заснула.

Когда я проснулась, было темно. Мне показалось, что я горю огнем. Я стала молиться, чтобы гнездящееся во мне нечто наконец покинуло меня. Впервые это странное состояние нашло на меня, и я решила, что заболела лихорадкой.

А потом я увидела Хоуп, увидела так ясно, словно сидела с ней на нашей просеке у болота. Я ощущала ночные запахи, слышала плеск воды, комариный писк, жужжание насекомых. И, как Хоуп, я слышала шорох в кустах. Как и Хоуп, я испугалась. На меня нахлынула жаркая волна страха. Когда она побежала, я тоже пустилась бежать, воздух с рыданиями вырывался у меня из груди, так что стало больно. Я увидела, как она упала, подмятая тяжестью тела настигшего ее человека. Мелькнула какая-то тень, неясные очертания чьей-то фигуры, хотя Хоуп я видела ясно.

Она звала меня, просила помочь.

А затем я погрузилась в кромешную тьму. Когда я проснулась, уже встало солнце. Я лежала на полу. А Хоуп исчезла.

2

Тори решила затеряться в Чарлстоне, и ей удавалось это почти четыре года. Город казался ей красивой и доброй женщиной, жаждущей прижать ее к своей мягкой груди и успокоить нервы, расшатанные жизнью на беспощадных улицах Нью-Йорка.

В Чарлстоне голоса были тише, интонации ленивее, и она оживала душой в теплой, плавной неторопливости разговоров. Здесь она могла укрыться, как когда-то надеялась спрятаться в гуще суетливой нью-йоркской толпы.

С деньгами проблем не было. Она умела жить очень экономно, берегла свои сбережения, как ястреб, и когда они стали возрастать, позволила себе помечтать о собственном деле: тогда она станет работать на самое себя и будет жить спокойной, упорядоченной жизнью, которая пока ей никак не давалась.

Она была одинока. Настоящая дружба требует истинной близости. Она и не хотела, и не чувствовала себя достаточно сильной, чтобы снова открыть душу для дружеских чувств. Люди всегда задают вопросы. Им хочется многое о тебе знать, во всяком случае, они делают вид, что хочется.

А у Тори не было ответов на вопросы, ей нечего было им рассказать.

Ей удалось найти небольшой дом – старый, запущенный, но красивый, – и она отчаянно торговалась, чтобы приобрести его. Люди часто недооценивали Викторину Боден. Они видели перед собой молодую женщину, маленькую и хрупкую. Они видели гладкую кожу, нежные черты лица, горькую складку рта и ясные серые глаза, взгляд которых они ошибочно воспринимали как бесхитростный; небольшой нос с еле заметной горбинкой придавал лицу, обрамленному гладкими каштановыми волосами, милое выражение. Люди видели перед собой девушку с уязвимой душой, и это явно угадывалось в плавной речи с южным акцентом. И никто не предполагал, что внутри у Тори каркас из стали, закаленной под бесчисленными ударами армейского ремня.

Если она чего-то хотела, то работала ради этого, боролась за это со всей одержимостью и решительностью фанатика. Так, Тори облюбовала этот старый дом с заросшим двором, и она шла на всевозможные уловки, она боролась, добивалась и добилась: дом стал ее собственностью. Арендованные квартиры напоминали ей Нью-Йорк и несчастье, которым окончилась для нее жизнь в этом городе. Поэтому Тори никогда больше не будет арендовать никаких квартир. Никогда.

Она хорошо вложила деньги. Она за счет только собственного времени и сил воссоздала дом заново, комнату за комнатой. Эта работа заняла целых три года, и теперь, продав его и округлив свои сбережения, она собиралась осуществить свою мечту. Для этого ей надо было вернуться в город Прогресс.

Сидя за кухонным столом, Тори в третий раз перечитывала договор об аренде первого этажа на Маркет-стрит. Интересно, вспомнил ли ее мистер Харлоу из риелторской конторы?

«Мне нечего бояться, – напомнила себе Тори. – Я возвращаюсь в родной город не беднячкой. Теперь я деловая женщина, которая собирается открыть свой бизнес».

«Но тогда почему, – спросил бы ее врач, – у вас дрожат руки?» – «От предвкушения, наверное, – решила Тори. – От возбуждения. Ну и нервы тоже. Это от нервов. У каждого человека есть нервы. И мне тоже положено их иметь. Я ведь нормальный человек».

Тори сжала челюсти, схватила ручку и подписала контракт. Это только на год. Всего лишь на один год. Если у нее ничего не получится, она сможет куда-нибудь переехать.

Она встала, вымыла чашку, вытерла ее, затем завернула в газету, чтобы потом уложить в коробку с кухонными принадлежностями, которые собиралась взять с собой. В окошко, расположенное над мойкой, она видела крошечный задний двор. Маленькое патио было тща-

тельно выметено и вымыто. Она оставит глиняные горшки с вербеной и белыми петуниями новым владельцам. Тори надеялась, что они не запустят сад, ну а если они его вспашут, что ж, это их право поступать как заблагорассудится. Она оставила на всем свою метку. Новые хозяева могут заново все покрасить, оклеить обоями, перекрыть пол или крышу. Но то, что она сделала, останется навсегда. Под новыми обоями будут ее старые. Нельзя вычеркнуть прошлое, убить его, сделать вид, что оно не существует. Как нельзя усилием воли отправить в небытие настоящее или изменить будущее. Мы все в ловушке времени и вечно вращаемся вокруг стержня прошедших дней. «Однако иногда эти «вчера» были достаточно сильны и коварны, чтобы прошлое снова присосалось к тебе, независимо от того, как отчаянно ты этому сопротивляешься», – подумала Тори и вздохнула. Она заклеила коробку, взялась за нее удобнее и вышла из кухни, не оглянувшись на прощание.

Еще через три часа деньги от продажи дома она положила на депозит. Обменявшись рукопожатием с новыми владельцами и вежливо выслушав их восторги по случаю приобретения первого их собственного дома, она тут же забыла о них. И дом, и люди, которые теперь будут жить в нем, потеряли для нее всякий интерес.

– Тори, подожди минуту.

Тори обернулась, одной рукой уже взявшись за дверцу машины и думая только о предстоящей дороге. Однако она подождала, пока ее адвокат подошла к ней через ряд припаркованных автомобилей. Не подошла, но подплыла – точнее сказать. Абигейл Лоренс никогда не торопила ход событий, тем более никогда не спешила сама. Наверное, поэтому она выглядела так, словно сию минуту сошла со страниц журнала «Вог».

Сегодня она красовалась в бледно-голубом костюме, жемчугах, которые, наверное, унаследовала от прапрабабушки, и в туфлях на таких высоких шпильках, что у Тори при виде их засвербило большие пальцы ног.

– Ух! – Абигейл помахала рукой перед лицом, словно пробежала две мили, а не прошла неспешным шагом десять ярдов. – Такая жара стоит, а ведь сейчас только апрель. – Она посмотрела на пикап Тори и пересчитала взглядом коробки. – Значит, так?

– Да, кажется, так. Спасибо, Абигейл, за то, что все устроила.

– Да ты сама главным образом постаралась. Не помню, чтобы когда-нибудь у меня был клиент, который все понимал с полуслова, тем более такой, что мог меня чему-то научить.

Она снова взглянула на вещи в машине, не скрывая своего удивления их скромным количеством.

– Я не думала, что ты серьезно была намерена уехать сегодня же. Ты решительная женщина, Виктория.

– У меня нет причин здесь задерживаться.

Абигейл открыла рот, покачала головой:

– Честно говоря, я завидую тебе. Вот так быстро собраться, взять самое необходимое и отправиться на новое место, к новой жизни, новым начинаниям. Но факт остается фактом, я на такое не способна.

– Может быть, я и начинаю все заново, но возвращаясь для этого к своему началу. Мои родные и сейчас живут в Прогрессе.

– Иногда, чтобы вернуться к своим корням, требуется больше решимости, чем поехать куда-нибудь в новое место. Надеюсь, ты этому рада, Тори.

– Я буду в порядке.

– Быть в порядке – это одно. – К удивлению Тори, Абигейл взяла ее за руку, наклонилась и легонько коснулась ее щеки губами. – Но другое – быть счастливой. Будь счастлива.

– Я собираюсь ею быть. – Тори отняла руку. Было что-то особое в этом рукопожатии. Она уловила тень сочувствия во взгляде Абигейл.

– Ты все знала?

– Конечно, знала, – и Абигейл легонько сжала пальцы Тори, прежде чем их отпустить. – Вести из Нью-Йорка доходят и сюда. Ты изменила цвет волос, но я тебя узнала. У меня хорошая память на лица.

– Так почему ты молчала? Не спрашивала ни о чем? Спроси сейчас.

– Я представляла твои деловые интересы. А в личную жизнь без приглашения не собираюсь. Если бы ты хотела, чтобы я узнала о Виктории Муни, наделавшей шуму в нью-йоркской прессе несколько лет назад, то сама бы обо всем рассказала.

– Спасибо.

Абигейл улыбнулась:

– Ради бога, дорогая, неужели ты думаешь, что я собираюсь тебя расспрашивать о том, женится ли когда-нибудь мой сын или где, черт побери, я потеряла бриллиантовое обручальное кольцо моей матушки? Я говорю только, что знаю о том, как нелегко тебе пришлось, и надеюсь на лучшее для тебя. Ну а если у тебя в Прогрессе возникнут какие-нибудь проблемы, дай мне знать.

Человеческая доброта всегда трогала Тори, и она нервно провела пальцами по ручке дверцы.

– Спасибо. Честное слово, спасибо. А теперь мне, наверное, пора. – Она снова протянула руку. – Я очень ценю все, что ты для меня сделала.

– Удачи.

Тори скользнула на водительское сиденье и, заводя машину, открыла окошко.

– В среднем ящике твоего стола в приемной. Между карточками Д и Е.

– О чем ты?

– О кольце твоей матери. Оно немного велико для тебя, поэтому соскользнуло с пальца и застряло между карточками. – И Тори, дав задний ход, развернула машину, пока Абигейл изумленно моргала, глядя вслед.

Тори ехала на запад от Чарлстона, а затем свернула на юг: ей предстояло, по намеченному плану, объехать весь штат перед конечной остановкой в Прогрессе. В новом портфеле лежал аккуратно напечатанный список мастеров и художников, которых она собиралась посетить. Придется потратить время, но это необходимо. Она уже заключила соглашения с несколькими художниками и скульпторами о выставке и продаже их творений в своем магазине, который она откроет на Маркет-стрит, но ей надо расширить круг клиентов. Магазин требует немалых усилий и денежных затрат, чтобы дело пошло как следует. Через неделю, если все пойдет по плану, она начнет обустривать свой магазин, а в конце мая откроет его двери для покупателей. И тогда все увидят, на что она способна.

Ну а в остальном что будет, то будет. Когда же настанет время, она проедет по длинной тенистой аллее в усадьбу «Прекрасные грезы» и встретится лицом к лицу с Лэвеллами.

К концу недели Тори уже изнемогала. Она затратила несколько сотен долларов на треснувший радиатор и вполне созрела, чтобы положить конец своему путешествию. Замена радиатора означала, что ей придется отложить поездку в город Флоренс до следующего утра и переночевать в мотеле с сомнительными удобствами на дороге номер девять, сразу же по выезде из Честера.

В комнате скверно пахло застоявшимся табачным дымом, а удобства включали обмылок и оплачиваемый показ телефильмов, которые должны были стимулировать сексуальные аппетиты постояльцев на час; именно за их счет заведение избегало банкротства. Ковер был испещрен пятнами, о происхождении которых лучше было не думать.

Она заплатила за ночлег наличными, ей не хотелось вручать свою кредитную карточку хитроватому служащему, от которого пахло джином, изобретательно налитым в кружку.

Мысль о продолжении путешествия была столь же неприятна, как комната, так что пришлось из двух зол выбрать меньшее. Тори поднесла к двери единственный тонконогий стул и повесила его на ручку двери. Он сможет воспрепятствовать нежеланному вторжению не хуже заржавленной цепочки. Все же двойная защита давала ей иллюзию безопасности. Она не должна так выматываться, ведь тогда способность сопротивляться угасает. Все словно обратилось против нее. Керамист, с которым она вела переговоры в Гринвилле, был вспыльчив, и, если бы не был к тому же невероятно талантлив, Тори просто повернулась бы и ушла из его мастерской через двадцать минут вместо того, чтобы провести с ним два часа, восхваляя, лстя и убеждая. Еще четыре часа она потратила на автомобиль из-за поврежденного радиатора, заставляя механика починить его тут же на месте. Вдобавок она еще сглупила, остановившись в этом мотеле. Если бы она заказала номер в гостинице в Гринвилле или остановилась в уважаемом мотеле, ей бы не пришлось сейчас ночевать в этой вонючей дыре.

«Ну всего-то на одну ночь», – напомнила себе Тори, глядя на замызганное зеленое покрывало на постели. Несколько часов сна, и она умчится во Флоренс, где ее бабушка уже приготовила комнату для гостей – а это означает чистые простыни и горячую ванну. Ей просто надо переспать ночь.

Даже не сняв туфли, она легла на покрывало и закрыла глаза.

...Ерзающие тела, липкие от пота... «Давай, беби, давай! Сильнее, еще сильнее!»... Она женщина, женщина; жаркая, словно лава. Боль затопила все тело... «О господи, что мне делать? Куда идти? Куда угодно, только не обратно. Пожалуйста, не дай ему найти меня...»

Сбивчивые мысли, дрожащие руки. Возбуждение на грани паники и чувство вины.

«...А что, если я забеременею? Мать меня убьет. Так и будет все время больно? Да любит ли он меня на самом деле?..»

Образы, мысли, голоса нахлынули на нее, как волна.

Закрыв глаза, Тори представила себе стену, массивную, высокую, белую. Она выстроила ее кирпичик за кирпичиком между собой и всеми теми воспоминаниями, что заполнили комнату, как дым. За стеной было прохладно и сияло голубизной. И плескалась вода, чтобы можно было плавать и нырять. И наконец уснуть в ней. А в вышине, над бледной голубизной бассейна, сияло солнце, яркое и теплое. Она слышала пение птиц и всплеск воды, когда погружала в нее ладони. Тело стало невесомым, мысли успокоились. По краям бассейна высились величественные дубы, покрытые кружевом мха, ива склонилась над водой, как придворная дама в поклоне, и коснулась ветками зеркальной поверхности.

Она закрыла глаза и отдалась на волю волн. И тут раздался знакомый, веселый смех, беззаботный, радостный девчоночий смех. Тори открыла глаза.

Там, около ивы, стояла Хоуп и махала рукой.

– Эй, Тори! А я тебя искала.

Сначала острой стрелой в сердце ударила радость. Повернувшись в воде, Тори замала в ответ.

Хоуп моментально сбросила туфли, шорты и ковбойку.

– А я думала, что ты совсем ушла.

– Не будь дурочкой. Куда я могла уйти?

– Я так долго искала тебя. – Хоуп медленно опускалась в воду. Тоненькая, как ивовый прутик, белая, как мрамор. Волосы разметались по воде. Золотые на голубом. Навечно и навсегда.

Вода потемнела и взволновалась. Грациозные ветви ивы хлопали по воде, как бичи. А вода внезапно стала холодной, такой холодной, что Тори начала дрожать.

– Я не могу достать до дна. Помогите мне, Тори, помогите!

Вода разбушевалась. Хоуп отчаянно била руками по волнам, которые вдруг стали грязно-коричневыми, как болотная жижа. Тори бросилась на помощь; рассекая воду широкими гребками, она плыла с безумной скоростью, но каждый взмах руки только отдалял ее от места, где отчаянно боролась с волнами девочка. Вода жгла легкие, тянула ее вниз. Тори почувствовала, что тонет, а в ушах звенел голос Хоуп: «Ты должна мне помочь. Тори, на помощь...»

Тори проснулась. Было темно. Во рту стоял вкус болотной жижи. Уже не было ни сил, ни желания снова воздвигать стену. Она скатилась с постели. В ванной плеснула ржавой водой в лицо, затем, не вытираясь, взглянула в зеркало. Под глазами залегли тени. Зеркало вернуло немигающий, словно остекленелый взгляд. «Слишком поздно, – подумала она, – слишком поздно». И так было всегда.

Тори схватила сумочку и нераскрытый дорожный саквояж. Теперь темнота ее успокаивала. Плитка шоколада и бутылка фанты, которые она купила в дребезжащем автомате у входа в мотель, придали ей сил. Сев в машину, она включила радио, чтобы немного отвлечься от собственных мыслей. Она не хотела ни о чем думать, только о дороге.

Когда Тори пересекла половину штата, солнце было уже высоко и движение на шоссе стало интенсивным. Она остановилась, чтобы заправиться бензином, прежде чем свернуть на восток. Проехав поворот, который вел к дому, куда снова перебрались родители, она вся напряглась, и напряжение не покидало ее следующие тридцать миль. Она стала думать о бабушке, о вещах, сложенных в машине, и о тех, что уже отправила в Прогресс. Она думала о своем бюджете на ближайшие полгода, о работе, которую необходимо сделать, чтобы ко Дню поминовения магазин был готов. Она думала обо всем, но только не об истинной причине, которая гнала ее обратно в Прогресс. На подъезде к Флоренсу она остановилась и в комнате отдыха автозаправочной станции «Шелл» причесалась и слегка подкрасилась. Искусственным румянцем бабушку не обманешь, но, во всяком случае, надо попытаться. Потом она сделала неожиданно для себя самой остановку у цветочного магазина. Бабушкин сад всегда был хоть сейчас на выставку, однако дюжина розовых тюльпанов никогда не повредит. Она жила меньше чем в двух часах езды от бабушки, но не пыталась увидеться с самого Рождества. И теперь, свернув с дороги на тихую улочку с цветущим кустарником по сторонам, Тори только удивлялась: почему? Это было славное место, здесь дети весело играли в садах, собаки дремали в тени, а соседи переговаривались через заборы на заднем дворе.

Дом Айрис Муни находился в середине квартала. Старая разросшаяся азалия стояла на страже у входа. Пик цветения уже прошел, но увядающие розовые и красные цветы подчеркивали ярко-синие стены дома. Как всегда, сад перед домом был ухожен.

Во дворе сразу же за подержанным универсалом бабушки стоял пикап с надписью «Починка труб круглосуточно». Тори затормозила у обочины. Напряжение, на которое она старалась не обращать внимания во время езды, стало ослабевать по мере приближения к дому. Стучать она не стала. Ей никогда не приходилось стучать в эту дверь. Она всегда знала, что дверь гостеприимно откроется и дом примет ее в свои объятия. Бывало, одно сознание этого удерживало ее на краю пропасти.

Тори удивилась, что в доме так тихо. «Почти десять утра», – отметила она, перешагнув порог. В это время бабушка обычно возится в саду или хлопочет по дому. В гостиной, заставленной мебелью, было полно безделушек и книг. И, Тори это также отметила, на столе красовалась ваза с дюжиной красных роз, перед которыми ее тюльпаны выглядели как бедные родственники. Она поставила саквояж, положила сумочку и крикнула в коридор:

– Бабуль, ты дома? – С цветами в руках она направилась к спальням и удивленно вздернула брови, услышав движение за бабушкиной дверью.

– Тори? Милая моя, я сейчас выйду. Иди в кухню и... достань себе чаю со льдом.

Тори пожала плечами и пошла на кухню. Ей показалось, что за ее спиной послышалось приглушенное хихиканье. Положив цветы на угол стола, она открыла холодильник. Ее ждал кувшин с охлажденным чаем, приготовленный по любимому ее рецепту, с ломтиками лимона и листьями мяты. «Бабуся никогда ничего не забывает», – подумала Тори, и на глазах у нее навернулись слезы нежности.

Она сморгнула их и услышала торопливые бабушкины шаги.

– Господи боже, ты так рано! Я ожидала тебя после полудня или ближе к вечеру.

Маленькая, тонкая и проворная Айрис Муни ворвалась в кухню и крепко обняла Тори.

– Мне пришлось выехать пораньше, и я ехала не останавливаясь. Я разбудила тебя?

Ты плохо себя чувствуешь?

– Со мной все в порядке. Дай вот на тебя посмотреть. Ах, деточка, вид у тебя замученный.

– Немного устала. Но ты, ты выглядишь чудесно.

Это было действительно так. Конечно, шестьдесят семь лет жизни избородили ее лицо, но они не изменили матового, словно цветок магнолии, оттенка кожи, не затуманили глубину темно-серых глаз. Бабушка заботилась о здоровье и своей внешности.

«А вот девочка совсем махнула на себя рукой», – грустно подумала Айрис.

– Садись-ка. Я сейчас приготовлю завтрак.

– Не беспокойся, ба.

– Тебе делать нечего, как спорить со мной, да? Садись. – Она показала на стул около кухонного стола. – Какая прелесть! – Айрис схватила тюльпаны и с восхищением их оглядела. – Какая же ты милочка, Тори. Ты лучше всех.

– А я скучала по тебе, бабуля. Извини, что давно не приезжала.

– Ну, у тебя есть собственная жизнь, и это вполне естественно. А теперь расслабься, и, когда немного переведешь дух, расскажешь о своем путешествии.

– Оно окупило каждую милю пути. Я нашла чудесные вещи.

– У тебя мой глаз на все красивое.

Айрис подмигнула и обернулась как раз в тот момент, когда ее внучка разинула рот при виде входящего в кухню мужчины.

Он был высок, как дуб, с грудью широкой, как «Бьюик». Седые, коротко стриженные волосы отливали серебром, глаза были ярко-карие, со слегка опущенными наружными уголками, словно у бассета. Цвету глаз соответствовал коричневый загар. Мужчина откашлялся с преувеличенным старанием.

– Э... мисс... я прочистил трубу.

– Сесил, не будь ханжой. – Айрис отставила в сторону коробку с яйцами. – Краснеть нет никакой необходимости. Моя внучка не упадет в обморок, узнав, что ее бабушка заимела поклонника. Тори, это Сесил Экстон, из-за которого я до десяти утра еще не одета.

– Айрис, – щеки у него вспыхнули пламенем. – Рад познакомиться с вами, Тори. Ваша бабушка так ждала вас.

– Как поживаете? – спросила Тори, не найдя ничего более подходящего. Она протянула руку, уже понимая, что заставило бабушку хихикать за дверью спальни, словно увидела сцену воочию.

Она быстро прогнала видение и посмотрела на Экстона так же смущенно, как он взирал на нее.

– Вы... вы слесарь, мистер Экстон?

– Да, он как-то пришел починить водонагреватель, – вставила Айрис, – и с тех пор все время согревает меня.

– Айрис, – Сесил опустил голову, вздернул могучие, как две горные вершины, плечи, но не смог скрыть улыбку. – Я, пожалуй, поеду, надеюсь, вы останетесь довольны своим пребыванием здесь, Тори.

– Не вздумай улизнуть без прощального поцелуя.

Айрис решительно подошла к Сесилу, обхватила его лицо ладонями, притянула и крепко поцеловала прямо в губы.

– Вот видишь, молнии не сверкают, гром не гремит и девочка не падает в обморок.

Она снова поцеловала его и легонько потрепала по щеке.

– Иди, красавчик, удачного тебе дня.

– Наверное, попозже увидимся.

– Да уж, постарайся. Мы ведь это уже решили, Сесил. А теперь катись, мне надо поговорить с Тори.

– Уже уйду. – И, нерешительно улыбаясь, он повернулся к Тори: – С этой женщиной спорить – себе дороже, голова заболит.

Он снял выцветшую синюю кепку с крючка на стене, нахлобучил ее и поспешил прочь.

– Правда, замечательный парень? – спросила Айрис и без всякого перехода добавила: – У меня есть очень хороший бекон.

Айрис положила бекон в старую черную сковородку с высокими бортиками.

– Я очень в тебе разочаруюсь, Тори, если тебя шокирует мысль о том, что твоя бабушка живет сексуальной жизнью.

– Да нет, я ничуть не шокирована, но, по правде говоря, мне как-то не по себе. При мысли о том, что я едва не стала свидетельницей...

– Да, ты раненько приехала, дорогуша. Я сейчас поджарю яичницу, и мы с тобой устроим себе хороший поздний завтрак.

– Да уж, у тебя, наверное, разыгрался аппетит.

Айрис мигнула, а потом, откинув голову, расхохоталась.

– Да, ты права, моя девочка. Хорошо сказала, а то я беспокоюсь, моя конфетка, когда ты не улыбаешься.

– А с какой стати мне улыбаться? Ведь это ты ведешь сексуальную жизнь, а не я.

Айрис забавно склонила голову набок.

– А кто в этом виноват?

– Ты. Ты первая познакомилась с Сесилом.

Тори достала два стакана и налила чаю. «Много ли на свете женщин, – подумала она, – у которых бабушка состоит в пылкой связи со слесарем?» Она не знала, гордиться ей этим обстоятельством или смеяться.

– Он, кажется, очень приятный человек.

– Да, он такой. Но, что еще важнее, – он хороший человек.

Айрис потыкала вилкой бекон и решила сразу взять быка за рога:

– Тори, он живет здесь.

– Живет? Ты живешь с ним?

– Он хочет жениться, но я не уверена, что хочу того же. Так что я провожу эксперимент.

– Не знаю, что и сказать тебе. А ты маме об этом говорила?

– Нет и не собираюсь. Могу обойтись без поучений о том, что живу в грехе... Твоя мама самая большая заноза в моей заднице... И почему дочь моя стала такой трусливой женщиной – никак не могу понять.

– Чтобы выжить, – тихо ответила Тори, но бабушка презрительно фыркнула.

– Она бы прекрасно выжила, если б бросила этого сукина сына, за которого вышла замуж двадцать пять лет назад, времени было достаточно. Ну, это ее собственный выбор,

Тори. Если бы у нее была хоть капля мужества и здравого смысла, она бы вышла замуж за другого. Ты же вот сумела выбрать.

– Я?! Не знаю, из чего и кого я могла выбирать. Не знаю, что хорошо, а что плохо. И вот я здесь. Совершила круг и явилась туда, где все начиналось. Знаю лишь, что у меня есть долг. Вот и все, что я знаю, и ничего не могу изменить.

– А ты хочешь этого?

– Не знаю, что тебе на это ответить.

– Ты сильная женщина, Тори, и в конце концов своего добьешься.

– Ты всегда так говорила, бабушка. – Тори встала, подошла к Айрис и обняла за талию, прижавшись щекой к ее щеке. – Ты единственный человек в моей жизни, на кого я всегда могла опереться. Если бы не ты, я сюда бы не приехала.

– Да нет, приехала бы. – Айрис похлопала внучку по руке и проворно подхватила бекон со сковороды. – Ты сильнее всех нас, вместе взятых. И вот это, если хочешь знать, больше всего злило твоего отца. Он хотел сломать тебя, но в результате только закалил твою волю, разве не так? Невежественный он сукин сын.

Она вздохнула и шлепнула яичницу на тарелки.

– Какие разные у меня дети. Джей Ар окончил колледж и сумел воспользоваться своим образованием. А Сара получила Ханнибала Бодена. Значит, так было суждено. Вот почему мы с моей внучкой сидим сейчас за столом и рискуем получить инфаркт от жирной пищи. Если бы я что-то сделала в прошлом иначе, то ничего этого не было бы. И тебя тоже.

– Я вернулась, ба, зная, что иначе не могу.

Тори положила тосты на мелкую тарелку и подала на стол.

– Меня беспокоит, что придется чересчур углубиться в прошлое. Я уже не знаю здешних людей. Боюсь, что сама изменюсь здесь до неузнаваемости.

– Ты здесь не приживешься как следует, Тори, пока не исполнишь, что задумала. Пока не сядешь – не поедешь. Ты стремилась обратно в Прогресс с того самого дня, как его покинула.

– Знаю.

И Тори почувствовала облегчение при мысли, что кто-то еще, кроме нее самой, понимает сложность ее положения. Слегка улыбнувшись, она подцепила ломтик бекона.

– Ну, расскажи мне подробнее о своем слесаре.

– Он милашка. – Айрис с аппетитом налегла на завтрак. – Похож на большого медведя, правда? Жена его умерла лет пять назад. Я немного ее знала. Он теперь почти оставил дела. Заправляют бизнесом двое его сыновей. У него шестеро внуков.

– Шесть?

– Да, правда. И, между прочим, один из них врач. Красивый мужчина. И я подумала...

– Прекрати. – Тори намазала на тост джем. – Мне это неинтересно.

– Как знать? Ты же не видела парня.

– Меня парни не интересуют.

– Тори, у тебя не было отношений с мужчинами...

– После Джека, – закончила Тори. – Это верно, и я не собираюсь больше ни с кем связываться. Одного раза достаточно.

Во рту у нее появился горький привкус, и она взяла чашку с чаем.

– Не всем женщинам суждено найти свою половину, ба. Я счастлива и в одиночестве.

Айрис насмешливо вскинула брови, а Тори в ответ пожала плечами:

– Ладно, скажем так: я собираюсь стать счастливой и ни от кого не зависеть. И чтобы этого достичь, буду работать от зари до зари.

3

Как давно, думала Тори, она не сидела на крыльце, глядя, как в небе загораются звезды, и слушая стрекотание сверчков. Как давно она вот так в расслаблении душевном не сидела, ничего не делая. И еще поняла, что следующий раз наступит тоже очень не скоро. Завтра она проедет последние мили до Прогресса. А там постарается вновь соединить разорванные нити жизни и наконец похоронить мертвую подругу детства.

Однако сейчас главное – мягкий ветерок и спокойные думы.

Она подняла глаза, услышав скрип двери, и улыбнулась Сесилу. «Да, бабушка права, – решила Тори. – Он очень похож на старого громадного медведя. И в данный момент медведя очень нервничающего».

– Айрис выгнала меня из кухни.

В руке у него была бутылка с пивом, и он неловко переминался с ноги на ногу в огромных башмаках.

– Говорит, чтобы я пошел и посидел немного, составил бы вам компанию.

– Она хочет, чтобы мы подружались, – улыбнулась Тори. – Я рада компании.

– Мне как-то неудобно. – Он опустил на ступеньку и искоса поглядел на Тори. – Знаю, что вы думаете: старый пень вроде меня ухаживает за такой женщиной, как Айрис.

– Ваша семья этого не одобряет?

– Ну теперь с ними все в порядке на этот счет. Айрис моих сыновей очаровала, такая она сногшибательная. Один сын, Джерри, кипятился немного, но она вразумила его. Дело в том...

Он замолчал и смущенно откашлялся. Тори сложила руки на коленях и подавила улыбку, когда он начал заранее заготовленную речь.

– Вы для нее очень много значите, Тори. Наверное, больше всех на свете. Айрис вами гордится, волнуется за вас и все время вами хвастается. Я знаю, что между ней и вашей мамой прошла трещина. И она вас еще больше поэтому любит.

– Взаимно.

– Я знаю. Заметил за обедом. Но дело в том, – и он сделал большой глоток, – я, черт побери, ее люблю.

Он выпалил это одним духом и покраснел.

– Вам, наверно, смешно слышать это от человека, которому перевалило за шестьдесят пять, но...

– Почему же смешно? – Тори не любила фамильярности, но похлопала его по колену: Сесилу требовалось одобрение. – Какое значение имеет возраст? Бабушке вы нравитесь, и это самое главное.

Сесил облегченно вздохнул.

– Никогда не думал, что снова переживу такое чувство. Я был сорок шесть лет женат на замечательной женщине. Когда я ее потерял, то решил, что эта часть моей жизни закончилась навсегда. А потом я встретил Айрис, и, господи Иисусе, с ней я чувствую себя так, будто мне опять двадцать.

– А вы заставили ее глаза блестеть, будто звезды.

Он еще сильнее покраснел и смущенно улыбнулся.

– Да? Руки у меня хорошие.

Тори, не сдержавшись, фыркнула, и Сесил испуганно вытаращил глаза.

– Я хочу сказать, что в доме могу пригодиться. Починить и наладить что надо.

– Я поняла, что вы имеете в виду, – кивнула Тори.

«Да, бабушка права, – решила она. – Этот Сесил настоящий симпатяга».

– Сесил, вы просите у меня благословения?

Он шумно выдохнул:

– Я хотел бы жениться на Айрис, а она и слышать не хочет. Упрямая, как мул, но я тоже не слабак. Просто знайте, что мои намерения...

– Честные и благородные, – закончила Тори, глубоко тронутая его словами. – Я голосую за вас.

– Правда? – Сесил откинулся назад, и крыльцо застонало под его тяжестью. – Это большое облегчение для меня, Тори. Слава господа всемогущему, что с этим покончено. – Он мотнул головой и опять глотнул пива. – У меня язык едва не отсох во рту.

– Да нет, вы прекрасно справились, Сесил. Вы должны сделать ее счастливой.

– Я и собираюсь.

Снова вздохнув с облегчением, Сесил обвел взглядом задний двор.

– Хорошая ночь.

– Да, очень хорошая.

В доме бабушки Тори спала глубоко и спокойно, без сновидений.

– Хорошо бы ты еще осталась на денек-другой.

– Мне надо приниматься за дело.

Айрис кивнула, стараясь сдерживать чувства, глядя, как Тори несет саквояж к машине.

– Когда немного устроишься, позвони.

– Ну, конечно, позвоню.

– И сразу же поезжай к Джей Ару, чтобы они с Бутс помогли тебе в чем надо.

– Я навещу его, тетушку Бутс и Уэйда, – пообещала Тори.

Она расцеловала бабушку в обе щеки.

– И перестань обо мне беспокоиться.

– Да я уже начала по тебе скучать. Дай мне руки. – Тори заколебалась, но Айрис крепко их сжала и так пристально поглядела на внучку, что лицо ее словно расплылось в тумане. Айрис не обладала даром ясновидения, как Тори, она могла различать только цвета и формы. Серый цвет – беспокойства, мерцающий розовый – возбуждения, тусклый синий – печали. И сквозь эту пелену темно-красный – цвет любви.

– Все будет в порядке, – и Айрис в последний раз сжала ее руки. – А если я тебе понадоблюсь, то я здесь.

– Я всегда это знала, ба.

Тори села в машину и глубоко вздохнула.

– Не говори им, где я.

Айрис кивнула, зная, что внучка говорит о родителях.

– Не скажу, не беспокойся.

– Я люблю тебя.

И Тори отвела взгляд и уже смотрела только вперед.

По сторонам дороги разворачивались и убегали вдаль нежно зеленеющие поля. Земля никогда не имела над ней той власти, что испытывают некоторые люди. Тори любила посадить какой-нибудь цветок в саду, но страстного желания почувствовать землю под своими руками, ухаживать за посевами и любовно собирать урожай – этого она не ведала. Больше всего ей нравилось видеть, как все растет.

Аккуратно возделанные и ухоженные поля уступали место дубравам, где деревья были увиты мхами, зарослям сумаха, лентам темноводных рек, которые нельзя приручить насосем. От земли шел густой запах. Удобрения и болотная топь. Они в большей степени запах

Юга, чем аромат магнолий. Ведь она, между прочим, в самом сердце Юга. Ухоженные парки и аккуратные лужайки – его парадная сторона, на самом деле он живет трудом и потом и своими таинственными реками.

Тори ехала проселочными дорогами: ей хотелось побыть в одиночестве, но с каждой милей она все более ощущала себя связанной с окружающим миром.

На западной окраине Прогресса вдоль дороги потянулись дома с опрятными дворами, где зелень поддерживалась подземными оросителями. На подъездных аллеях стояли автомобили последних марок, а тротуары были широкие и гладкие. Наверное, размышляла Тори, дома принадлежат молодым парам с двойным доходом, которые хотят иметь красивый и удобный дом в пригороде, чтобы здесь завести настоящую семью. Вот эти люди должны стать ее покупателями. Умелой рекламой и красочными витринами она завлечет их в свой магазин.

Интересно, живет ли в этих домах кто-нибудь из тех, кого она знала в детстве? Помнят ли они, что тогда ей было известно нечто, чего не полагалось знать?

«Память коротка», – напомнила себе Тори. И даже если некоторые что-то и помнят, она все равно найдет способ использовать эти воспоминания во благо своему делу.

При приближении к центру города она сразу же увидела шпиль церкви. Бесчисленные часы она провела, сидя на жесткой скамье и отчаянно вникая в смысл проповеди, потому что перед ужином отец обязательно устроит ей допрос, и, если ответы будут плохие, не замедлит жестокое наказание.

Восемь лет она не переступала порог церкви.

«Не думай о прошлом, – приказала себе Тори, – думай о настоящем». Однако настоящее сейчас очень напоминало прошлое: так мало что изменилось за эти годы на окраине Прогресса.

Она повернула на Оук-стрит, сплошь застроенную особняками, большими и красивыми, окруженными старыми раскидистыми деревьями. За несколько лет до ее отъезда из Прогресса в этот район переехал дядя. «На деньги своей жены», – с ядовитой горечью подчеркивал отец.

Тори не разрешали приходить сюда в гости, и она почувствовала укол вины, проезжая мимо красивого, сверкающего чистыми окнами дома из белого кирпича, окруженного цветущим кустарником.

Дядя, наверное, на работе, он по-прежнему управляющий банком и был им, насколько хватало ее памяти, всегда. И хотя Тори очень любила свою тетю, она была не в настроении слушать шепоток Бутс и видеть ее трепетные руки. Тори свернула на другую улицу, с домами поменьше, и выехала к новому угловому универмагу. Много изменилось в ее родном городе за шестнадцать лет. К средней школе сделали пристройку, и там, где когда-то теснились убогие, ветхие домишки, теперь раскинулся премиленький сад. Среди старых заслуженных деревьев-ветеранов росли молодые, а в бетонных чашах распускались цветы.

Да, окрестности казались красивее и опрятнее, чем ей запомнилось. Интересно, многое ли изменилось внутри под новой яркой лакировкой?

Повернув к рынку, она почему-то обрадовалась, что «Магазин Хэнсона» стоит на прежнем месте и вывеска все та же, старая, потрепанная непогодой, и витрина по-прежнему заклеена разноцветными объявлениями. И внезапно сладкий вкус виноградного шербета наполнил рот, и она улыбнулась. Парикмахерская поменяла хозяйку, теперь она называлась не «Салон красоты Лу», а «Современные прически». Но рыночная забегаловка была на прежнем месте, и Тори показалось, что те же старые официанты сидят на пороге и болтают о всякой всячине. Посередине квартала, между хозяйственным магазином Роллинза и цветочным, все так же стояла старая бакалейная лавка. Вот здесь она и остановится. Тори вылезла из машины, и ее сразу охватила полуденная жара. Наружный вид лавки несколько

не изменился: все те же старые кирпичи, скрепленные насмерть серой, как дым, глиной. Окно высокое, широкое, грязное от дорожной пыли. Ну, она это все скоро изменит.

Дверь была по-прежнему стеклянная и скрипучая. «В первую очередь ее надо привести в порядок», – решила она и вынула блокнот. Снаружи она поставит узкую скамью с железной узорчатой спинкой. А около нее будут красоваться горшки с красной и белой петунией. Над входом она прикрепит вывеску: «Южный комфорт». Внутри же покупателей будет ожидать стильно оформленный салон. Мысленно она уже хозяйничала в помещении, заполняя полки, расставляя столики и лампы. Тори не слыхала, как кто-то ее окликнул, и упала бы от неожиданности, если бы ее вовремя не подхватили. Кровь прихлынула к лицу, бешено зачастил пульс.

– Тори! Я так и подумал, что это ты. Последние день-два я все тебя высматривал.

– Уэйд, – шумно выдохнула Тори.

– Я тебя напугал? Извини, я так рад тебя видеть. Черт возьми, неужели прошло два года? Ты чудесно выглядишь.

– Неужели! – Комплимент был приятен, даже если она ни на секунду Уэйду не поверила.

Хотя Уэйду не хватало двух дюймов до шести футов, ей все же пришлось откинуть голову, чтобы внимательно взглянуть ему в лицо. Он всегда был красавчиком, но теперь, пожалуй, его ангелоподобное лицо возмужало. Глаза у него были темно-шоколадного цвета, он похудел, но на щеках все еще красовались ямочки. Волосы, чуть посветлее ее собственных, были хорошо подстрижены. Одет он был в джинсы и простую бледно-голубую рубашку. Пока она его разглядывала, губы его дрогнули в усмешке. «Он молод, красив и вполне преуспевает», – решила Тори.

– Ну, если я выгляжу чудесно, то у меня не хватает слов, чтобы описать, как выглядишь ты. Ты присвоил себе всю красоту семьи, кузен Уэйд.

Он широко, белозубо улыбнулся, озорно, по-мальчишески, но больше не пытался обнять ее. Он помнил с детства, что кузина Тори не любит, когда ее обнимают и гладят.

– Рад, что ты вернулась.

– Лучшего приветствия я не могла ожидать. – Она сделала широкий жест рукой. – Город похорошел. Во многом тот же, но лучше.

– Прогресс в Прогрессе. Очень многим мы обязаны Лэвеллам, городскому совету и особенно мэру, который уже пять лет занимает эту должность. Ты помнишь Дуайта? Дуайта Фрэзира?

– Дуайта, одного из могучей тройки: ты, он и Кейд Лэвелл?

– Дуайт вырвался вперед еще в средней школе, был спринтером, женился на богатой наследнице, стал компаньоном отца в его строительном бизнесе и перевернул Прогресс вверх дном. Мы все теперь чертовски добропорядочные граждане.

Глядя на него и слушая знакомый голос, Тори вспомнила, почему он всегда ей нравился:

– Ты, как всегда, в бегах, Уэйд?

– До некоторой степени. Между двумя встречами. Должен сейчас вернуться к себе и убедить одного водолаза по кличке Айгар, что ему нужно сделать прививку против бешенства.

– Не завидую вам, доктор Муни, – улыбнулась Тори.

– Моя приемная на другой стороне улицы, в конце квартала. Пойдем со мной, я угощу тебя чаем со льдом.

– Хорошо бы, но мне надо встретиться с риелтором, посмотреть, что он может предложить.

Она заметила вспыхнувшую в его глазах искорку и вскинула голову.

– Что такое?

– Не знаю, как ты к этому отнесешься, но как насчет твоего прежнего дома? Он пустует.

– Дом?

Она инстинктивно сложила руки, обхватив локти, Это судьба, с ее непредсказуемыми запутанными ходами.

– Я тоже не знаю. Может быть, попробую.

В городе, где населения меньше шести тысяч человек, трудно пройти два квартала без того, чтобы не наткнуться на знакомого, – независимо от того, шестнадцать лет вы отсутствовали или шестьдесят. Когда Тори вошла в риелторскую контору, там был только один человек, женщина, хорошенькая, миниатюрная и ухоженная. Длинные светлые волосы были зачесаны назад, открывая лицо, формой напоминавшее сердечко. Главным в лице были огромные голубые глаза.

– Добрый день.

Женщина взметнула ресницы и отложила в сторону роман, на бумажной обложке которого красовался пират с голой грудью.

– Чем могу служить?

И в памяти Тори возникла площадка для игр при начальной школе Прогресса. Несколько девочек с криками ужаса и отвращения разбегаются прочь. Их предводительница оборачивается, через плечо кидает удовлетворенный взгляд и смеется. У нее большие голубые глаза и длинные, летящие по ветру светлые волосы.

– Лисси Харлоу.

Лисси склонила голову набок.

– Я вас знаю? Извините, я не... – но вот голубые глаза удивленно расширились. – Тори? Тори Боден? Господи помилуй.

Она даже взвизгнула и с трудом встала. Она была приблизительно на шестом месяце беременности, судя по животу, выпиравшему из-под бледно-розовой свободной блузы.

– Папа говорил, что ты приедешь на этой неделе.

Хотя Тори произвольно отступила, Лисси поспешила заключить ее в объятия.

– Как замечательно! – И она откинулась назад, излучая радость и гостеприимство. – Тори Боден вернулась в родной Прогресс. И какая хорошенькая.

– Спасибо.

Глаза Лисси оценивали, ощупывали, измеряли и наконец удовлетворенно блеснули. Сомневаться, кто лучше, не приходилось.

– А ты совсем не изменилась. Ты всегда была самой хорошенькой девочкой в Прогрессе.

– Вот глупости...

Лисси махнула рукой, но не могла удержаться от самодовольной улыбки.

– Садись. Позволь предложить тебе выпить чего-нибудь холодного.

– Нет-нет, не беспокойся. Твой отец получил контракт об аренде?

– Да, он как будто упоминал об этом. Весь город говорит о твоем магазине. Я с нетерпением жду его открытия. В Прогрессе днем с огнем не найдешь красивых вещей.

С этими словами она снова села за стол.

– Нельзя же ездить в Чарлстон каждый раз, когда хочется приобрести что-нибудь стильное.

Тори села, и глаза ее оказались на уровне с нагрудным знаком, удостоверяющим, что она имеет дело с Лисси Фрэзир.

– Ты вышла замуж за Дуайта?

– Уже пять счастливых лет назад. У нас есть сын. Наш Люк очень умный мальчик, – и она повернула к Тори фотографию в рамке, изображающую ясноглазого рыженького малыша. – Мы ожидаем его братишку или сестренку в конце лета.

И она удовлетворенно похлопала себя по животу, изогнув палец так, чтобы свет падал на обручальное кольцо и бриллианты вспыхнули огнем под лучами солнца.

– А ты так и не вышла замуж, дорогая?

Вопрос был произнесен таким тоном, что Тори поняла: Лисси по-прежнему любит быть лучше всех.

– Нет.

– Я так восхищаюсь вами, деловыми женщинами. Вы все такие решительные и умные. Вы заставляете нас, домашних хозяек, стыдиться самих себя.

Тори удивленно вскинула бровь и оглядела стол и табличку с именем Лисси.

– Ну, я просто прихожу сюда два раза в неделю, чтобы папа мог покинуть контору. Но когда ребенок родится, у меня, разумеется, не хватит на это времени и сил. Хватит обо мне. Лучше расскажи подробно, как ты.

– Я бы с удовольствием поболтала с тобой, Лисси. – «Скорее я обмотаю язык вокруг шеи», – подумала Тори. – Но мне надо поскорее покончить с формальностями и устроиться.

– Какая я глупая! Ты, наверное, падаешь с ног от усталости.

Тонкая улыбка Лисси дала Тори понять, что выглядит она действительно усталой.

– Мы поговорим спокойно и повспоминаем прошлое, когда ты отдохнешь.

– Надеюсь. – «Помни, что перед тобой твоя потенциальная покупательница, – сказала себе Тори, – так что запасись терпением». – Несколько минут назад я столкнулась с Уэйдом. Он упомянул о доме – моем старом доме, и о том, что его можно снять.

– Да, конечно. Арендаторы Лэвеллов как раз съехали оттуда две недели назад. Но, милая моя, неужели ты хочешь жить так далеко? У нас есть несколько хороших квартир в центре города. Например, на Ривер-террас, в котором есть все, что могла бы пожелать одинокая девушка. Включая и одиноких мужчин, – добавила она, хитро подмигнув. – Современное оборудование, ковровое покрытие от стены до стены. Мы сами там арендовали прекрасную квартиру с садом.

– Квартиры меня не интересуют. Мне хочется жить подальше от центра и в отдельном доме. Сколько стоит аренда?

– Сейчас посмотрю.

Она и так все знала. Умом Лисси обладала гораздо более острым, чем многие полагали. Ей нравилось, что ее недооценивали. Она повернула стул и для видимости нажала несколько клавиш компьютера.

– Честное слово, никак не освою тонкости этого дела.

Внимательно просмотрев экран, Лисси подсчитала аренду помесечно.

– Ты знаешь, что в доме две спальни и одна ванная? И что от города это на расстоянии пятнадцати-двадцати минут езды на машине. А та квартирка, о которой я тебе говорила, всего в десяти минутах ходьбы?

– Я беру дом.

Лисси взглянула на Тори, моргая широко раскрытыми глазами.

– Берешь? Ты не хочешь прежде его осмотреть?

– Я его видела. Сейчас выпишу чек. Надо уплатить за первый и последний месяцы аренды?

– Да. – И Лисси пожала плечами. – Подожди немного, я заполню документы.

Через тридцать секунд сделка была совершена, подписана, скреплена печатями, и Тори вышла из конторы с ключами, а Лисси повисла на телефоне, распространяя новость.

Дом тоже изменился. Конечно, он стоял, как прежде, тылом к узкой грязной дороге недалеко от болота. С западной стороны расстились поля, и нежные побеги табака уже показались из земли, ровные, словно ряды послушных школьников. Однако под окном спальни кто-то посадил розово-белую азалию. Там же росла молодая магнолия. Тори вспомнила заржавленные петли двери и облупившуюся белую краску, но и об этом кто-то позаботился. Оконные стекла сияли чистотой, а дом был недавно выкрашен в бледно-голубой цвет. Пристроили также крыльцо, достаточно широкое, чтобы на нем уместилось кресло-качалка.

Вид у дома был почти гостеприимный. Пульс у Тори участился, пока она шла к нему. Возможно, здесь живут призраки, но именно из-за этого она и вернулась. Не лучше ли встретиться с ними лицом к лицу? Ключи звякнули в руке, скрипнула входная дверь. Тори глубоко вздохнула и вошла.

Она очутилась в пустой комнате, стены которой были выкрашены в цвет слоновой кости, унылый, но вполне приемлемый. Пол был чистый. И пахло слегка краской и полиролем для мебели.

Тори прошла на кухню. Столы были перекрашены в нейтральный серый цвет, шкафы – в белый. Плита новая – или, во всяком случае, новее, чем та, над которой в поте лица трудилась мать. Окно над раковиной, как прежде, выходило на болото. Зеленое и таинственное.

Собрав все свое мужество, она направилась в детскую. Кровать ее когда-то стояла около окна. Она любила глядеть из него в ночь или раннее утро. Здесь помещался небольшой комод с разбухшими, неподатливыми ящиками. В нижнем Тори прятала книги, потому что папе не нравилось, когда она читала что-нибудь, кроме Библии.

В этой комнате дурные воспоминания мешались с хорошими. О том, как она украдкой читала по ночам, или снах, которые ей снились, или о том, как она строила планы совместных с Хоуп приключений.

И, конечно, о побоях. Больше никто не тронет ее и пальцем.

«Здесь можно устроить кабинет, – решила она. – Поставить стол, стеллажи для папок и, может быть, кресло для чтения, лампу». Этого будет достаточно. А спать она станет в комнате родителей. Да, именно там. Эту комнату она преобразит в свою собственную.

Тори прошла было к двери, но остановилась и медленно открыла дверцу стенового шкафа. Здесь, свернувшись калачиком, с заплаканным лицом, затаился в темноте призрак ее самой. До восьми лет она выплакала столько слез, что другой девочке хватило бы на целую жизнь. Тори нагнулась и провела рукой по нижней планке шкафа, по вырезанным в дереве буквам и с закрытыми глазами, словно по системе Брайля, прочитала кончиками пальцев:

Я – ТОРИ

«Да, это правда. Я – Тори. И вы этого у меня не отнимете. Я – Тори. И я вернулась!»

Она выпрямилась. Воздух! Не хватает воздуха. Она попятилась назад, ладони у нее вспотели, и она обернулась, готовая бежать отсюда прочь. Но ноги ее словно приросли к полу. За стеклянной входной дверью маячила чья-то тень. Заходящее солнце высветило контуры мужской фигуры.

Дверь скрипнула, и Тори снова стало восемь лет. Она была беззащитна и испытывала ужас.

4

Мужчина назвал ее по имени, полностью, Викторией. Полное, непривычно длинное имя бархатно забулькало, словно вино, вытекающее из подогретой бутылки. Еще можно было убежать, и она удивилась, ощутив в себе так много от трусливого кролика, готового забиться в норку при малейшем шорохе. Призраки обступили ее со всех сторон, насмешливо нашептывая что-то на ухо.

Прежде она убегала, и не однажды, но ей никогда не удавалось спастись. Замерев от страха, Тори стояла как вкопанная. Дверь снова скрипнула, и паника подступила к горлу.

– Извини, что напугал.

Голос у него был тихий, привыкший утешать и соблазнять.

– Я остановился, чтобы узнать, не надо ли чего-нибудь.

Он стоял прямо на пороге, и солнечные лучи ярко освещали его сзади, отчего черты лица расплывались в полумраке.

– Как ты узнал, что я здесь?

– Неужели ты забыла, как быстро в Прогрессе распространяются слухи?

В голосе послышалась смешинка, рассчитанная на то, чтобы дать ей успокоиться. Это значит, что страх ее замечен и что она легкая, очень легкая добыча. Вот это мнение, по крайней мере, она сумеет опровергнуть. Тори сложила руки на груди.

– Нет, я ничего не забыла. Кто вы?

– Ты меня обижаешь. Даже спустя столько лет я сразу бы узнал тебя в толпе. Я Кейд, – ответил он и подошел ближе. – Кинкейд Лэвелл.

И теперь, когда он выступил из солнечного нимба, она как следует разглядела его.

Кинкейд Лэвелл. Брат Хоуп. Интересно, она узнала бы его в толпе? Нет, вряд ли. Мальчиком он был худ, с мягким выражением лица. У этого человека сложение было плотное, под закатанными до локтя рукавами рубахи угадывались сильные бицепсы. И хотя он приветливо улыбался, в чертах лица не было и следа былой мягкости. Волосы потемнели по сравнению с прошлым, стали каштанового цвета, с выгоревшими на солнце вьющимися кончиками.

Но по глазам... по глазам она могла бы его узнать. По их небесной, летней синеве. У Хоуп были такие же. Солнце оставило свой след, и здесь, в уголках глаз собрались морщинки. Те самые, что приводят женщин в отчаяние, а мужчинам придают значительность.

Вот эти глаза сейчас и наблюдали за нею с неподдельным интересом.

– Прошло так много времени, – выдавила она из себя.

Он не протянул руку. Инстинкт подсказывал ему, что Тори отпрянет и взаимное их смущение лишь усугубится. Вид у нее был такой, что вот сейчас она бросится бежать или упадет без чувств. Ни то, ни другое его не устраивало.

– Почему бы тебе не выйти на крыльцо и не сесть в кресло-качалку? Сдается, в доме больше не на чем сидеть.

– Но я прекрасно себя чувствую. Все в порядке.

А сама она побелела как смерть, и глаза мягкого серого цвета, которые всегда чаровали его, широко раскрылись и потемнели. Кейд вырос в семье, где главенствовали женщины, и поэтому давно научился не суетиться и не тратить нервы на удовлетворение уязвленного самолюбия. Он просто отвернулся и снова открыл дверь.

– Здесь душно, – сказал он и вышел на крыльцо.

Ей пришлось последовать за ним. До Кейда донесся слабый запах ее духов. «Жасмин», – подумал он и вспомнил о кустарнике, который почему-то расцветал только ночью в саду его матери.

– Наверное, непросто было тебе сюда приехать. – Он взял Тори за локоть, чтобы подвести к креслу-качалке. Она не вздрогнула, но едва заметно, хотя и решительно, отстранилась.

– Мне надо где-то жить, так почему бы не здесь?

Напряжение не покидало ее. Ей не нравилась эта манера разговора. Никогда не узнаешь, что у мужчины скрывается за любезными словами и улыбками.

– Ты довольно долго пробыла в Чарлстоне. Здесь живет спокойнее.

– Я и хочу покоя.

Кейд оперся о железные перила. В ее словах звучит уязвленность. При всей ее деликатности в ней есть нечто резкое, она словно обнаженный нерв и остро реагирует на малейшее прикосновение. Такой она ему и запомнилась.

– Много болтают о твоём будущем магазине.

– Это хорошо. – Она едва заметно улыбнулась, но взгляд оставался серьезным и напряженным. – Болтовня означает, что в людях пробудилось любопытство, а оно заставляет их переступать порог.

– А в Чарлстоне у тебя тоже был магазин? – поинтересовался Кейд.

– Я была управляющей. Иметь свой – совсем другое.

– Да, это так.

«Прекрасные грезы» теперь принадлежали ему, и владеть имением действительно совсем другое дело. Он оглянулся на поля, где зеленые побеги тянулись к солнцу.

– Ну и как ты здесь все находишь, Тори, после столь длительной разлуки?

– Так же. – Она поглядела на него и добавила: – Так же, да не совсем. Город возмужал.

– А я то же самое подумал о тебе. Ты выросла.

Кейд заметил, как крепко она ухватила кончиками пальцев за ручки кресла, словно боясь потерять равновесие.

– Взгляд повзрослел. Впрочем, у тебя всегда были особенные глаза. Когда мне было двенадцать, они сводили меня с ума.

Тори призвала на помощь всю свою гордость, чтобы выдержать его взгляд.

– Когда тебе было двенадцать, ты слишком озорничал с моим двоюродным братом Уэйдом и Дуайтом Фрэзиром, чтобы вообще меня замечать.

– Ты ошибаешься. Когда мне было двенадцать, – проговорил он медленно, – был такой период, когда я замечал все, что тебя касалось. Я все еще вижу мысленно тебя тогдашнюю. И чего ради мы притворяемся, что сейчас между нами не стоит она?

Тори рывком встала, сложила руки на груди и пристально посмотрела на поля.

– Мы же любили ее, – сказал Кейд, – мы ее потеряли, ты и я. И мы об этом – ни ты, ни я – не позабыли.

На плечи ее навалилась страшная тяжесть.

– В этом я тебе ничем помочь не могу.

– А я не прошу о помощи.

– Тогда чего же?

Он удивленно взглянул на нее. Она замкнулась снова.

– Я ни о чем тебя не прошу, Тори. Ты, наверное, этого ждешь от каждого, кто к тебе приближается?

Теперь она чувствовала себя увереннее и сильнее и, повернувшись, пристально взглянула на Кейда.

– Да.

За его спиной вспорхнула птица – быстрая серая молния – и села на ветку дикой шелковицы у болота. И Тори показалось, что птица щебетала долго, очень долго, прежде чем Кейд заговорил снова.

Значит, она забыла, как разговаривают в южной провинции, с длинными, томительными паузами.

– Жаль, – сказал он, и сердце у нее вдруг забилося. – Однако мне ничего от тебя не нужно, разве только время от времени переброситься дружеским словом. Дело в том, что Хоуп много значила для нас обоих. Утрата повлияла на всю мою жизнь. Мне не хотелось бы назвать леди обманщицей, но если ты, глядя мне в глаза, скажешь, что смерть Хоуп не повлияла на твою жизнь, мне придется это сделать.

– А какая тебе разница, что я чувствую? – Пальцы у нее онемели, ей хотелось растереть их, но она поборола искушение. – Мы друг друга не знаем. И никогда, по сути дела, не знали.

– Но мы знали ее, – возразил Кейд. – И, возможно, твое возвращение снова всколыхнет воспоминания. Но с этим ничего не поделаешь.

– Что означает твой визит? Жест гостеприимства или предупреждение, чтобы я держалась подальше?

С минуту он молчал, потом покачал головой. В глазах промелькнула искорка смеха, потом прозвучала в голосе:

– А ты стала колючая. Не в моих правилах просить красивых женщин держаться подальше. От этого будет хуже только мне, не так ли?

Тори не улыбнулась, не откликнулась на его шутку. Он сделал шаг к ней, и, может быть, это заставило птицу взлететь с дерева.

– Это ты можешь мне приказать держаться подальше, но вряд ли я послушаюсь. Я приехал поздравить тебя, Тори, с возвращением домой и посмотреть, какая ты стала. И я имею право на любопытство. Встреча с тобой снова напоминает мне о том лете. Это естественно. И другим твой приезд напоминает о том же. Ты должна была это понимать, когда принимала решение вернуться.

– Я приехала в поисках самой себя.

– Не поэтому ли у тебя такой подавленный и усталый вид? Тогда добро пожаловать.

Он протянул руку. Поколебавшись, она подала свою. Рука его была теплая и жесткая, словно он занимался физическим трудом. Когда их руки соединились, внутри у нее что-то неожиданно дрогнуло. Вот это уж ни к чему.

– Извини, если я держусь недружелюбно, – Тори высвободила руку, – но у меня много дел. Мне предстоит обустроиться здесь и начать бизнес.

– Тогда, пожалуйста, дай мне знать, если я чем-нибудь смогу быть тебе полезен.

– Я ценю твоё отношение. И... ты хорошо отремонтировал дом, спасибо.

– Дом хороший, – и он взглянул на нее, – хорошее место. Я постарался сделать так, чтобы ты сразу могла приняться за дело. – Он спустился с крыльца, остановился возле пикапа, отчаянно нуждавшегося в помывке, и сказал: – Тори, знаешь, я хранил все это время в душе твой образ. – Он открыл дверцу, и легкий ветерок пробежал по его выгоревшим на солнце волосам. – Но теперь я заменил его новым. Он лучше прежнего.

Кейд отъехал, взглянув на нее в окошко заднего обзора. Ее отражение стояло в нем, как в рамке, а потом исчезло, когда он повернул со двора на асфальт. Он не хотел сразу же вспоминать о Хоуп. Как владелец усадьбы, как хозяин арендованного ею дома, как знакомый ей с детства, он собирался навестить Тори только по обязанности и убедил себя в этом. Но незачем себя обманывать. И Тори он тоже не обманул. В «Дом на болоте», как он все еще назывался среди окрестного люда, Кейда погнало любопытство, хотя у него было с десятков более неотложных дел.

Он привык действовать осмотрительно, как тонкий дипломат. Он выучился играть ту роль, какую от него требовали конкретные обстоятельства, но только при условии, что получит желаемое.

Интересно, какую роль ему придется разыгрывать с Тори? Согласна она или нет, но ее возвращение возмутит всеобщее спокойствие. Она как камешек, брошенный в пруд: круги разойдутся далеко по воде. Он не знал, как следует вести себя с ней и что ему от нее надо. Повинуясь импульсу, он остановил пикап. Не время сейчас предаваться сантиментам, у него слишком много дел.

Но он вылез из машины, прошел по маленькому мостику и направился к болоту. Растительность была зеленой и сочной, дороги расчищены, как в парке, вдоль них выстроились буйно цветущие азалии. Между магнолиями и шелковичными деревьями виднелись островки диких цветов, вечнозеленые деревья возносились своими вершинами прямо в небо. Это уже не был таинственный, дикий и опасный мир его отрочества. Теперь это место стало святилищем в память о погибшей сестренке.

Все это сделал отец, движимый горем и отчаянием, которые он загонял внутрь. Однако они сидели внутри и пожирали его, как рак. Эти раковые клетки росли и множились, метастазы ярости и отчаяния. И Кейд об этом знал. В стенах «Прекрасных грез» к скорби относились как болезни, а здесь ее можно было преобразить в цветы. Летом расцветут лилии и нежные желтые ирисы, которые уже прорезают стеблями, словно солнечными лучиками, тень под деревьями. Вокруг ирисов выпалывают траву. Она опять быстро вырастает, но, пока был жив отец, он немедленно все приводил в порядок. Теперь эта обязанность перешла к нему, Кейду.

На просеке стояла каменная скамья – на том самом месте, где Хоуп разожгла костер в последнюю ночь своей жизни. Над ней склонились кипарисы, обвитые плющом, и рододендроны в белоснежном цвету. А между скамьей и мостом в середине клумбы розовых и синих цветов стоит мраморная статуя смеющейся девочки, которой навсегда осталось восемь лет.

Они похоронили ее восемнадцать лет назад на холме, озаренном сиянием солнца, но дух Хоуп пребывал здесь, в зеленой тени, среди ароматов дикорастущих цветов.

Кейд сел на скамью, опустив руки между колен. За эти восемь лет, следовавшие после смерти отца, он не часто приходил сюда. Никто не приходил сюда часто, по крайней мере, из родственников. Что касается матери, то это место перестало для нее существовать с того самого момента, как нашли Хоуп. Изнасилованную и задушенную, а потом брошенную, как бросают сломанную куклу. Насколько, спросил себя Кейд, как уже спрашивал бесчисленное количество раз за море прошедших лет, насколько виновен он сам в том, что случилось с сестрой? Он откинулся назад и закрыл глаза. Он солгал Тори. Ему надо кое-что получить от нее – ответы. Ответы, которых он ждет уже почти полжизни.

Кейд попытался успокоиться. Странно, что до этой минуты он не отдавал себе отчета, как взволновала его встреча с Тори. Она права, в детстве он почти не обращал на нее внимания. Она была просто девочкой, с которой дружила его сестра. И так было до того утра, ужасного августовского утра, когда она пришла к их двери с ободранной щекой и с глазами, полными ужаса. С той минуты он замечал все, что ее касалось. И никогда ничего не забывал. Он сделал главным делом своей жизни – знать о ней все: куда она уезжает, чем занимается, кем стала после того, как покинула Прогресс. Он знал, что Тори вернется в Прогресс, почти с того самого часа, как она это задумала. И все же он совсем не был готов к тому, чтобы увидеть, как она стоит в пустой комнате, смертельно бледная, с глазами, серыми, как дым. «Нам обоим нужно время, чтобы устроить свою жизнь», – решил Кейд, поднимаясь на ноги. И затем они поладят. И затем они уладят все, что касается Хоуп...

Он сел в пикап и отправился осматривать свои поля.

К тому времени, как Кейд повернул к каменным столбам, охранявшим въезд на длинную тенистую аллею, ведущую к особняку «Прекрасные грезы», он чувствовал себя совер-

шенно измотанным. Двадцать дубов, по десять с каждой стороны, смыкались в вышине ветвями, создавая таким образом зеленый, пронизанный золотом солнечных лучей, туннель. Между мощными стволами деревьев цвел кустарник, виднелась обширная лужайка и выложенная кирпичом дорожка, устремляющаяся к саду и хозяйственным постройкам.

Когда он уставал, как, например, сейчас, этот последний отрезок пути до особняка был для него как протянутая навстречу любящая рука.

Кейд поставил машину у поворота аллеи и поднялся по шести каменным ступеням. Его прадед пристроил к дому веранду с пологой крышей и всю теперь увитую клематисом. Здесь он мог сидеть, как сидели до него предки, наслаждаясь открывающейся взору панорамой.

Он соскреб грязь с сапог. За дверями начиналось царство матери, и, хотя она и слова не промолвит, ее неодобрительное молчание и холодный взгляд на грязные следы, оставленные на натертых полах, похуже любой язвительной нотации.

Весна выдалась теплая, так что окна будут открыты до самого вечера. Ароматы, доносящиеся из сада, смешивались с изысканным благоуханием цветов, аранжированных в букеты. В просторном холле полы были выложены зеленоватым, как морские волны, мрамором, так что создавалось впечатление, будто ноги погружаются в прохладную воду. Кейд подумал о душе, пиве и сытной горячей еде перед тем, как займется вечерними бумажными делами. Он двигался тихо, прислушиваясь к доносящимся из глубины дома звукам и не чувствуя себя виноватым при мысли, что не хочет видеться ни с кем из семьи, пока не приведет себя в порядок и не восстановит бранные силы.

Он только успел дойти до бара в главной гостиной, едва уселся за стойку, как вдруг послышался стук женских каблучков. Он поморщился, но когда Фэйф впорхнула в комнату, лицо его снова приняло невозмутимое выражение.

– Налей мне белого вина, дорогой, а то в горле першит.

Она растянулась на диване, вздохнув и взбив пальцами короткие светлые волосы. Фэйф опять стала блондинкой. Поговаривали, что она меняет цвет волос так же часто, как и мужчин. За свои двадцать шесть лет она дважды развелась и столько любовников приблизила к себе и разжаловала, что люди сбились со счета. Особенно это относилось к самой Фэйф. Она умудрялась сохранить облик нежной цветущей южанки с белой, как камелия, кожей и синими лэвелловскими глазами. Грустные глаза по желанию наливались слезами и так много обещали, вне зависимости от того, собиралась Фэйф сдержать свои обещания или нет.

Первого мужа, буйного красивого юнца восемнадцати лет, она умыкнула из колледжа за два месяца до окончания им учебы. Она любила его со всем пылом и неуравновешенностью ранней молодости и была почти сломлена, когда он в одночасье бросил ее меньше чем через год. Однако об истинном развитии событий никто не знал, и все решили, когда она вернулась в «Прекрасные грезы», что это она дала отставку Бобби Ли Мэтьюзу, так как ей надоели замужняя жизнь и домашнее хозяйство. Через три года она вышла замуж за честолюбивого певца в стиле кантри, с которым познакомилась в баре. На этот раз – от скуки, но Фэйф два года терпела брак, пока не уяснила, что Клайв, сочиняя в дыму бесчисленных «Мальборо» и подбадривая себя наркотиками, не прочь ей изменить. Так она снова оказалась в «Прекрасных грезах» – взвинченная, неудовлетворенная и втайне питающая к себе отвращение.

Когда Кейд принес ей стакан вина, она мило улыбнулась:

– А у тебя, дорогой, измотанный вид. Ты слишком много работаешь.

– В любой момент, когда тебе захочется помочь...

Улыбка стала обоюдоострой, как лезвие ножа.

– «Прекрасные грезы» твои. Папа всю жизнь это твердил.

– Но папы больше нет.

Фэйф только повела плечиком.

– Факт остается фактом. – Она отпила глоток вина. Красивая женщина, которая очень старается подчеркнуть свою красоту. Даже сейчас, дома, вечером, она слегка нарумянилась, подчеркнула красной помадой свой чувственный рот и облеклась в шелковую блузку и слаксы бледно-розового цвета.

– Ты все можешь изменить, если захочешь.

– Нет, меня воспитывали так, чтобы я стала бесполезным украшением дома. – Она потянулась, словно кошка. – И я этому рада.

– Ты меня злишь, Фэйф.

– Я это хорошо умею делать. – И она толкнула его босой ступней в ногу. – Не будь грубым, Кейд. Спор ухудшает вкус вина. А я уже обменялась сегодня любезностями с мамой.

– Дня не проходит без этого.

– Но она критикует меня на каждом шагу. Она почти все время в плохом настроении. – Глаза у Фэйф блеснули. – С тех пор, как позвонила Лисси.

– Дело не в этом. Мама и раньше знала, что сюда приезжает Тори, – возразил он.

– Одно дело приехать, другое – здесь жить. Думаю, ей не нравится, что Тори арендовала Дом на болоте.

– Ну, если она не арендовала бы, то жила где-нибудь в другом доме, но в Прогрессе.

Он устал, поэтому откинул голову на спинку кресла, пытаясь расслабиться.

– Она вернулась и, судя по всему, собирается остаться.

– Так, значит, ты ездил с ней повидаться. – Фэйф забарабанила тонкими пальцами по бедру. – Я так и думала. Долг для Кейда прежде всего. Ну что ж... Какая она стала?

– Вежливая, сдержанная. По-моему, нервничает из-за своего возвращения. – Он глотнул пива. – Привлекательная.

– Привлекательная? Я помню неухоженные волосы и колени в ссадинах. Она была худая и заполошная.

Он помолчал. Фэйф не нравилось, когда мужчина, пусть даже родной брат, считал привлекательной какую-нибудь другую женщину, кроме нее. Но Кейд был не в настроении мириться с причудами сестры.

– Ты должна постараться быть с ней любезной, Фэйф. Тори ведь не виновата в том, что случилось с Хоуп. Зачем внушать ей чувство вины?

– А разве я сказала, что не буду с ней любезной?

Фэйф пробежалась пальцами по ободку бокала. Казалось, она ни минуты не может посидеть неподвижно.

– Наверное, ей понадобится друг.

Фэйф уронила руку, и мелодичный голос стал сухим.

– Она была подругой Хоуп, не моей.

– Может быть, но ведь Хоуп с нами нет. И тебе тоже может понадобится подруга.

– Милый, у меня полно друзей. Просто так получается, что среди них нет ни одной женщины. Сам знаешь, у нас так скучно. Наверное, скоро я поеду в город, мне надо развеяться.

– Как тебе угодно. – Он оттолкнул ее ногу и встал. – Мне надо принять душ.

– Кейд, – сказала она, уловив осуждение в его взгляде. – Я имею право жить так, как хочу.

– Да, ты имеешь право тратить свою жизнь понапрасну, если хочешь.

– Ладно, – ответила она ровно, – и такое же право есть у тебя. Но в одном я с мамой согласна. Всем нам будет лучше, если Виктория Боден отправится обратно в Чарлстон и останется там. Советую тебе остерегаться возможных неприятностей в связи с ее приездом и держаться от нее подальше.

– Чего ты опасешься, Фэйф? Хотелось бы это знать.

«Всего, – подумала она, когда он вышел. – Абсолютно всего». Фэйф подошла к высокому окну, выходящему на фасадную сторону. Исчезла томная южная красавица. Движения ее были нервно-быстры, энергичны. «Может быть, стоит поехать в город, – подумала она. – Или еще куда-нибудь. Или вообще испариться отсюда».

Но куда?

Все будет не так, как она думает, если уехать из «Прекрасных грез»... Каждый раз она уезжала, убежденная, что так лучше. Но всегда возвращалась. И каждый раз убеждала себя, уезжая, что все изменится. И сама она тоже изменится. Но оставалась прежней. Неужели никто не может понять, что все случившееся с ней прежде, все, что есть теперь, все определено было той ночью, когда ей – когда Хоуп – было восемь лет? А теперь появился человек, который связывает ту ночь со всеми последующими. И, глядя, как серебристые сумерки окутывают лужайку и сад, она пожелала Тори Боден провалиться в преисподнюю.

Было почти восемь, когда Уэйд закончил осматривать последнюю пациентку, пожилую беспородную собаку с отказывающимися почками и шумом в сердце. Ее владелица, не менее пожилая, не могла заставить себя усыпить беднягу, поэтому Уэйд снова попытался помочь собаке, утешая одновременно и ее хозяйку.

Он слишком устал, чтобы как следует пообедать, и решил обойтись сэндвичем и банкой пива.

Ему нравилась его маленькая квартира этажом выше приемной. В ней было все, что нужно для удобной жизни, и обходилась она ему недорого. Он мог бы арендовать помещение побольше, о чем ему постоянно напоминали отец и мать, но он предпочитал жить просто и вкладывать прибыль, которую приносила профессия, в нее же.

В данное время своих животных у него не было. Хотя в детстве он завел настоящий зверинец: конечно, собаки, кошки, а также раненые птицы, лягушки, черепахи, кролики, а однажды – поросенок Непоседа. Негодующая мама смирилась со всем, но подвела черту, когда он вознамерился приютить черную змею, которую нашел распростертой на дороге.

Уэйд был уверен, что удастся уговорить маму и на змею, но, когда явился на кухню с мольбой в глазах и четырехфутовой извивающейся тварью в руках, его мать так громко вскрикнула, что сосед мистер Притчет перепрыгнул через забор, узнать, не случилось ли чего страшного. При этом Притчет растянул связки, мать Уэйда уронила любимый кувшин на плиточный кухонный пол, а змея скользнула прочь и исчезла по направлению к реке, опоясывающей город.

Да благословит господь его мать, она, почти не жалуясь, терпела в доме всякую живность, которую он тащил домой.

Конечно, со временем у него будет и просторный дом, и двор, и время, чтобы снова завести себе питомцев, но пока он не имеет средств увеличить штат и сам работает по десять часов в день, не считая экстренных вызовов. А люди, у которых нет времени для любимых животных, не должны их заводить. То же самое он думал и в отношении семьи.

Уэйд прошел на кухню и взял яблоко. Обед или то, что его заменит, подождет, пока он не смоет с себя собачью шерсть.

Жуя яблоко, он направился в спальню, на ходу бегло просматривая почту.

Уэйд почувствовал ее запах, прежде чем увидел. Горячий женский запах ударил в ноздри и взорвал спокойное течение мыслей. Она пошевелилась в постели, потянулась гибким стройным телом. На ней ничего не было, и она завлекающе улыбалась.

– Привет, любовничек. Ты работаешь допоздна.

– Но ты же сказала, что сегодня будешь занята.

Фэйф поманила его к себе:

- Сейчас я и вправду буду занята. Почему бы тебе не задать мне работу?
- Уэйд отшвырнул почту и недоеденное яблоко.
- А почему бы и нет?

5

«Прискорбно это, – подумал Уэйд, – когда мужчина волочится всю жизнь за одной-единственной женщиной. И еще прискорбнее, когда эта женщина то порывает с тобой, то снова возвращается. И мужчина ей это позволяет». Каждый раз, когда Фэйф снова появлялась, он говорил себе, что с него хватит, он больше в такие игры не играет. И каждый раз он опять слишком глубоко увязал, чтобы покончить с ней раз и навсегда. Он был у нее первым. Он не надеялся, что будет последним. Сейчас он так же не мог ей противостоять, как десять лет назад. В ту прекрасную ночь она влезла к нему в окно, влезла и в его постель, когда он спал. Он все еще помнил ощущение, когда проснулся от прикосновения юного горячего тела, которое скользнуло на него, и этот ненасытный рот, осыпающий его поцелуями. «Ей было пятнадцать лет, – вспоминал он, – и она взяла его быстро и безлюбовно, как пятидесятидолларовая шлюха. И при этом Фэйф была девственницей».

Но в том-то и дело, заявила ему тогда Фэйф, что она не хочет быть девственницей и желает отделаться от этого бремени поскорее и как можно проще, с тем, кого она знает, кто ей нравится и кому она доверяет.

Так все просто. Но для Фэйф это всегда было просто, а для него, Уэйда, эта летняя ночь за несколько недель до его отъезда в колледж была началом сложных отношений с Фэйф Лэвелл. Они занимались сексом когда и где только могли. На заднем сиденье его автомобиля. Поздней ночью, когда его родители уже спали, днем, пока мать болтала на веранде со своими приятельницами. Фэйф всегда хотела, всегда была готова и ненасытна. Все, о чем юноша мечтает ночами, все вдруг стало реальностью. И для Уэйда эта любовь превратилась в навязание. Он был уверен, что она подождет, когда он окончит колледж, но не прошло и двух лет, в течение которых он лихорадочно учился и строил планы на будущее, их общее будущее, как она сбежала из дому с Бобби Ли. Уэйд тогда напился вдрызг и не просыхал неделю.

Ну а она вскоре вернулась. В Прогресс, а потом и к нему. И не просила прощения, не лила покаянных слез. Таков был рисунок их отношений, и он презирал ее за это почти так же глубоко, как самого себя.

– Итак, – Фэйф перегнулась и вытащила сигарету из пачки, лежавшей на ночном столике. Сев на него верхом, она зажгла сигарету. – Расскажи мне о Тори.

– А когда ты снова начала курить?

– Сегодня. – Она улыбнулась и клюнула его в подбородок. – Не ругай меня, Уэйд, у каждого должен быть какой-нибудь порок.

– А какой тебе больше нравится?

Она рассмеялась, но в смехе прозвучала горечь, и глаза тоже стали сердитыми.

– Если не попробуешь все, то как же тогда узнать, что лучше. Ладно, беби, рассказывай про Тори. Я просто умираю от желания узнать про нее все.

– А что я могу сказать? Вернулась, и все.

Фэйф тяжело вздохнула:

– Ну до чего же вы, мужчины, противный народ. Расскажи, как она выглядит, как держится? И что собирается делать?

– Выглядит она взрослой и держится соответственно. И собирается открыть магазин на Маркет-стрит.

Встретив ожидающий взгляд Фэйф, он пожал плечами и продолжал:

– Усталая. У нее усталый вид. Может быть, немного худее, чем следовало бы, словно недавно болела. Но в ней есть лоск, который дается жизнью в большом городе. А что она еще задумала, мне неизвестно. Почему бы тебе самой у нее не спросить?

Фэйф медленно провела рукой по его плечу. Замечательные у него плечи.

– Да вряд ли она мне скажет. Я ей никогда не нравилась.

– Но это неправда, Фэйф.

– Я знаю лучше тебя. – И она раздраженно скатилась с него, соскочила, грациозная и капризная, словно кошка, с постели и зашагала по комнате, время от времени глубоко затягиваясь. Лунный свет бросал на ее белую кожу призрачный голубой отблеск. Он видел на этой белой коже синяки и ссадины. Фэйф предпочитала грубый секс.

– Вечно пялила на меня свои потусторонние глаза, и словечка из нее не вытянешь, разговаривала только с Хоуп. Им всегда было о чем поговорить. Они все время перешептывались. Зачем ей понадобилось снова поселиться в Доме на болоте? Что она задумала?

– Наверное, она решила, что хорошо будет поселиться под родным кровом.

Уэйд встал и задернул шторы, чтобы кто-нибудь из соседей не увидел ее.

– Ну, тебе-то известно, что происходило под этой крышей, и мне тоже.

Фэйф обернулась. Глаза у нее сверкали. Уэйд умерил свет ночника.

– Кем нужно быть, чтобы вернуться в тюрьму? В ловушку? Может быть, она действительно сумасшедшая, как о ней говорили?

– Нет, она не сумасшедшая. – Уэйд натянул джинсы. – Тори одинока. Иногда одинокие люди возвращаются домой, потому что им больше некуда податься.

Его слова задела Фэйф за живое. Она отвела взгляд и постучала сигаретой о пепельницу.

– Иногда самое сильное одиночество испытываешь как раз в родном доме.

Он легко коснулся ее волос. Это заставило ее уйти в себя и лучезарно улыбнуться.

– А почему это мы столько говорим о Тори Боден? Давай приготовим себе что-нибудь на ужин и поедим в постели.

Медленно, глядя прямо ему в глаза, она расстегнула «молнию» на его джинсах.

– У меня всегда, когда я с тобой, такой аппетит...

Когда позднее он проснулся в темноте, Фэйф уже исчезла. Она никогда не оставалась на ночь, никогда не спала вместе с ним в прямом смысле слова. Иногда Уэйд недоумевал, а может, она вообще никогда не спит и ее внутренний мотор никогда не сбавляет обороты, питаясь энергией желаний, которые никогда до конца не удовлетворяются? Это проклятие, думал он, любить женщину, не способную ответить так же искренно и честно. Надо бы вырвать ее с корнем из своей жизни. Это было бы самым разумным поступком, он бы тогда исцелился от наваждения. Она каждый раз режет его по живому, и с каждым разом рана затягивается все медленнее.

Скоро его сердце превратится в один сплошной шрам, и никто в этом не виноват, кроме него самого. Уэйд почувствовал, как кровь закипает от обиды и черной злобы. Он быстро оделся в темноте. Ярость должна излиться вовне, иначе она его взорвет.

Было бы лучше, удобнее, разумнее снять номер в гостинице. Было бы вполне естественно также воспользоваться гостеприимством дяди и спать в одной из убранных с чрезмерной пышностью спален, которые тетя Бутс всегда держит наготове. В детстве она часто мечтала о том, чтобы иметь возможность ночевать в таком совершенном доме на совершенной улице, где, в ее представлении, все пахнет духами и полиролем.

Но вместо этого Тори постелила одеяло на голом полу и теперь лежала, не смыкая глаз, в темноте. Что это – гордость, упрямство, желание утвердиться в собственном мнении? Она и сама не знала, что заставляет ее провести первую ночь в Прогрессе в пустом доме ее детства. Но, как говорит пословица, сама постелила себе постель, самой в ней и спать. Утром предстоит множество дел. Она уже составила целый список и сейчас мысленно добавила к нему с десятков пунктов. Надо купить кровать и телефон. Новые полотенца и занавес для душа. Нужны лампа и стол, на который ее поставить. Ночевать как придется – это

уже не для нее, и при всей своей неприхотливости и простоте вкусов в самых элементарных удобствах она нуждается.

Тори пересчитывала необходимые вещи и складывала их в уме, как кирпичики, которые должны лечь в основу повседневной жизни. Надо поехать на рынок и заполнить продуктами кухонные полки. Если не сделать этого сразу, она снова привыкнет есть от случая к случаю. Когда небрежно обращаешься с собственным телом, становится труднее контролировать мозг.

Надо поехать в банк и открыть счета, личный и деловой, и обязательно наведаться в газету «Прогресс уикли». Рекламное объявление она уже набросала. А главное, пока она будет налаживать дело с магазином, ей необходимо быть у всех на виду. И внушить к себе расположение сограждан, а самой вести себя солидно и достойно. Нормально. Понадобится время, чтобы улеглись пересуды, иссякли вопросы и исчезли испытующие взгляды. Она к ним готова. И ко времени открытия магазина люди к ней попривыкнут. А главное, что гораздо важнее, они станут относиться к ней так, как она того хочет. Постепенно она обретет прочное место в городе. А потом приступит к розыску. Она станет искать ответы на вопросы. А когда их найдет, то сможет сказать Хоуп: «Прощай».

Закрыв глаза, Тори вслушивалась в ночные звуки, к хору невидимых насекомых, такому радостно монотонному, к уханью совы, вылетевшей на охоту, едва слышному побрякиванию старого дома, тихому шуршанию мышей за стеной. «Надо поставить мышеловки», – решила она, уже засыпая. Неприятно, конечно, но постояльцы ей не требуются. А под порог надо положить шарики от моли, чтобы отвести змей, и повесить кусочек мыла для отпугивания оленей, чтобы защитить собственность, которую они привыкли считать своей.

А если кролики прибегут в огород, надо положить там обрезки шланга, пусть думают, что это змеи, которых... я уже отпугнула с помощью антимоля. А иначе придет папа и застрелит их из своего ружья. А потом ей придется есть этих кроликов на ужин, хотя тошно будет при воспоминании, как они забавно шевелили длинными ушами. Однако придется есть то, что бог послал, или расплачиваться за отказ. Тошнота все же лучше битья...

«Нет, не надо об этом думать», – приказала она себе и заворочалась на жестком полу. Больше никто не заставит ее есть то, чего она не хочет, никогда в жизни. И никто не замахнется на нее ремнем или пустит в ход кулаки.

Теперь она хозяйка в доме.

Ей снилось, что она сидит у потрескивающего, дымного костерка и поджаривает сахарный тростник до черноты. Она любила грызть его, обугленный снаружи и белый внутри. Выхватив его из огня, она подула, чтобы погасить пламя, и облизнула небо. Сначала обожжет, но затем рот наполнит восхитительная карамельная сладость.

– Как будто ешь уголь, – сказала Хоуп, поворачивая на огне кусок тростника, пока он не покрылся золотистыми пузырьками. – Так ведь гораздо вкуснее.

– А мне нравится, как я это делаю. – И Тори насадила еще кусок тростника на ветку и сунула его в огонь.

– Ты как Лайла, которая говорит: «Каждому свое, – сказала леди, – и поцеловала корову».

Хоуп, улыбаясь, деликатно полизывала свой кусок.

– Я рада, что ты вернулась, Тори.

– Я всегда этого хотела, но, наверное, боялась. Думаю, что и сейчас боюсь.

– Но ты же здесь. Ты приехала, и мы снова вместе.

– Но я не пришла в ту ночь. – И Тори отвернулась от костра, чтобы взглянуть в глаза детства.

- Наверное, тебе это было не суждено.
- Но ведь я обещала прийти. В десять тридцать. Но я не пришла. Я даже не пыталась.
- Попытайся теперь, потому что были и другие. И будут еще, пока ты не положишь

этому конец.

На Тори вдруг навалилась страшная тяжесть, заставившая напрячься изо всех сил.

– Почему ты говоришь «будут еще»?

– Будут такие, как я. Точно такие.

И серьезные синие глаза стали как два бездонных колодца. Они смотрели сквозь пелену дыма прямо в глаза Тори.

– Ты должна исполнить то, что тебе предназначено, Тори. Ты должна вести себя осторожно и ловко, Виктория Боден, девочка-шпион.

– Хоуп, я уже не девочка, – возразила Тори.

– Вот почему пришло время.

Огонь ярко вспыхнул, и в синих глазах заплясали искры.

– Ты должна положить этому конец.

– Как?

Но Хоуп, покачав головой, прошептала:

– Что-то в темноте...

Тори распахнула глаза. Сердце гулко стучало в груди, а во рту стоял привкус жженого сахара.

«Что-то в темноте...» В ушах отдавался голос Хоуп и шорох, словно ветер пошевелил листья на деревьях, прямо под окном. И она увидела, как кто-то вступил на лунную дорожку. Ребенок, которым она оставалась все это время, жаждал свернуться в комочек, сделаться невидимкой. Она была одна и совершенно беззащитна. Тот, кто снаружи, сейчас за ней следит. И ждет. Она чувствовала это даже сквозь страх. Тори попыталась взять себя в руки, опомниться, но ее охватил ужас. И не только ее. «Они тоже боятся, – поняла она. – Боятся меня. Почему?»

Дрожащей рукой она нащупала на полу карманный фонарик. Прикосновение к реальному предмету позволило ей сбить первую волну страха. Нет, она не будет лежать здесь беззащитная и беспомощная. Она будет себя защищать, будет сопротивляться и возьмет развитие событий в свои руки.

Ребенок стал жертвой. Женщина жертвой не будет.

Тори поднялась на колени, зажгла фонарик и едва не вскрикнула, когда блеснул яркий луч. И направила его на окно как оружие. Но там ничего не было, кроме ночных теней и луны.

Сделав усилие, она встала во весь рост, потом бросилась к двери и осветила себя. Теперь те, кто снаружи, могли ее видеть. И пусть видят. Пусть видят, что она не корчится от страха в темноте. Луч света сиял над ней, пока она, заглянув в ванную, поспешила на кухню и схватила нож из ящика, который успела распаковать. Пусть видят и знают, что она не беззащитна.

Тори заперла двери – привычка, приобретенная в городе, однако ей было известно, насколько такие предосторожности бесполезны здесь. Достаточно одного хорошего удара ногой, и все замки вылетят. Она отступила со света в темную комнату. Опершись спиной о стену, приказала себе дышать ровно, и наконец дыхание стало спокойным и размеренным. Впервые за четыре года она ощущала в себе дар, за который ее проклинали в детстве. Через окно вырвались лучи света, он залил всю комнату. Мысли вихрем закружились в голове при звуке мчащегося к дому автомобиля. Требовательно взвизгнули по гравию тор-

моза. Дыхание ее снова участилось, но она заставила себя подойти к двери. Зажав в руке нож, Тори повернула ключ в двери. Фары погасли. Водитель хлопнул дверцей, выходя из машины.

– Что надо? – крикнула Тори и снова зажгла фонарик, вцепившись в засов. – Что вы здесь делаете?

– Навещаю давнюю подружку.

У Тори подогнулись колени. Кожа покрылась липким потом.

– Хоуп, – и нож выскользнул у нее из пальцев и со звоном упал на пол. – Господи!

Опять сон. Только другой эпизод. А может быть, она сошла с ума? Может быть, она всегда была сумасшедшая?

Женщина поднялась на крыльцо. Лунный свет заблестел на волосах, отразился в глазах. Она толкнула входную дверь.

– Вид у тебя такой, словно ты узрела привидение.

Она наклонилась, подняла нож и провела изящным пальчиком по лезвию.

– Но я из плоти и крови. – И женщина подняла вверх палец, на котором блеснула капелька крови. – Я Фэйф, – сказала она и вошла в комнату. – Я проезжала мимо и увидела у тебя в окнах свет.

– Фэйф? – Бурная радость затопила Тори, и она повторила: – Фэйф!

– Правильно. Есть у тебя что-нибудь промочить горло? – И Фэйф направилась в кухню.

«Словно она здесь хозяйка», – подумала Тори, но затем вспомнила, что дом действительно принадлежит Лэвеллам. Она провела рукой по лицу, по волосам и, взяв себя в руки, последовала в кухню за Фэйф.

– У меня есть чай со льдом.

– Я имела в виду что-нибудь покрепче.

– Нет, извини. Я еще не готова встречать гостей.

– Вижу. – Фэйф заинтересованно оглядела кухню и положила нож на стойку. – Очень уж по-спартански. Чересчур даже для тебя.

«Вот так бы сейчас выглядела Хоуп, – неотступно думала Тори. – Именно так». Те же синие глаза. Та же чистая белая кожа и шелковистые волосы цвета спелой пшеницы. Тоненькая и красивая. И живая.

– Мне немного нужно.

– Мы всегда этим отличались друг от друга. Тебе нужно было мало, мне – все.

– Ну, меня слишком долго здесь не было, чтобы помнить об этом.

– Да, достаточно долго, чтобы встретить гостя с ножом в руке.

– Я не привыкла встречать гостей в три часа ночи.

– У меня была поздняя свиданка. Я сейчас в безмужнем состоянии. А ты ведь никогда не была замужем?

– Нет.

– Я точно помню, что кто-то говорил о твоей помолвке, – наморщила лоб Фэйф. – Наверное, ничего из этого не вышло.

– Нет, не вышло. Но твои два брака – кажется, два, – из них тоже ничего не вышло.

Фэйф улыбнулась, и на этот раз искренне. Она предпочитала бой на равных.

– А ты стала зубастая.

– Я не собираюсь безропотно сносить твои укусы, Фэйф. И незачем со мной так разговаривать. Ведь я тоже ее потеряла.

– Но она была моя сестра. Ты, кажется, никогда об этом не помнила.

– Она была твоей сестрой. И моим единственным другом.

Что-то дрогнуло в груди Фэйф, но она быстро справилась с собой.

– Ну друзей можно завести новых.

– Ты права. Мне нечем тебе ответить, я не могу ничего изменить, чтобы Хоуп снова была с нами. Ничего не могу ни сказать, ни сделать.

– Тогда зачем ты вернулась?

– Мне не позволили с ней проститься.

– Ну теперь для этого слишком уже поздно, – усмехнулась Фэйф. – Однако ты веришь в новые начинания и второй шанс, Тори?

– Да, верю.

– А я нет. И скажу почему.

Фэйф вынула сигарету из сумочки и зажгла ее. Затянувшись, помахала сигаретой в воздухе.

– Никто не желает начинать все сызнова. И те, кто говорит, что желает этого, или врут, или находятся под влиянием иллюзии, но по большей части это лжецы. Люди просто хотят начать снова с того места, где они оступились, но пойти другим путем, не обременяя себя багажом прошлого. Те, которым это удается, счастливицы, потому что они способны отбросить прочь такую неудобную ношу, как чувство вины или роковые последствия.

Фэйф снова затянулась и окинула Тори изучающим взглядом.

– Ты не выглядишь очень счастливой.

– Знаешь, а ты тоже. И это неудивительно.

Фэйф раскрыла рот, чтобы ответить колкостью, но передумала и улыбнулась.

– О, я путешествую налегке и путешествую часто. Можешь спросить кого угодно.

– Но, сдастся, мы приземлились в одной и той же точке. Почему бы нам этим не воспользоваться?

– Если ты вспомнишь, кто попал сюда раньше, у нас проблем не возникнет.

– Ты не даешь мне забыть об этом. Однако сейчас этот дом – мой и я устала.

– Значит, увидимся в другом месте. – И Фэйф направилась к выходу, оставляя после себя шлейф табачного дыма. – Крепкого сна, Тори. Да, если он в одиночку навевает на тебя неприятные видения, я бы заменила этот нож огнестрельным оружием.

Она остановилась, открыла сумочку и вынула изящный револьвер с перламутровой рукояткой.

– Женщине никогда не помешают меры предосторожности, правда?

И с легким смехом она снова уронила револьвер в сумочку, защелкнула ее и вышла. Дверь за ней захлопнулась.

Тори заставила себя остановиться на пороге и так и стояла, хотя свет фар ослепил ее. Она не двинулась с места до тех пор, пока автомобиль не выехал со двора и не помчался по дороге.

Тори заперла дверь, потом вернулась на кухню за фонариком и ножом. Ей очень хотелось тоже сесть в машину, ринуться в город и постучать в дверь дядино дома, но если она не сможет переночевать здесь в эту первую ночь, то что говорить о последующих.

Она легла спиной к стене и не сводила глаз с окна, пока темнота не посерела и не проснулись первые утренние птицы.

А он чувствовал страх. Когда он тихо-тихо подкрался к окну, страх, что случилось нечисто, сжал все его внутренности.

Тори Боден вернулась туда, где все началось. Она спала, свернувшись на полу, как цыганка, и он мог видеть в лунном свете абрис ее щеки, ее губы. Что-то надо делать. Он это знал и уже составлял планы, как всегда, спокойно и методично. Но какое потрясение видеть ее и при взгляде на Тори вспоминать то, что было, так ярко и зримо.

Он испугался, когда она проснулась, так же стремительно, как стрела срывается с тетивы. Даже в темноте он увидел, что отражается в ее глазах. От этого он сразу вспотел,

весь, даже ладони рук. Однако здесь было где укрыться в темноте. Он спрятался в зарослях и увидел, как подъехала Фэйф. Ее светлые волосы интересным контрастом темным волосам Тори блестели в лунных лучах. Тори поглощала свет, а не отражала его. Он знал, конечно, в первый же момент их встречи, что они его не поймают. И был уверен, что это он поймают их. И все будет, как в первый раз, давным-давно. Это будет так, как он старался ощутить вновь все эти долгие годы.

Это будет экстаз.

Тори собиралась встать пораньше и поэтому, когда стук в дверь разбудил ее в восемь утра, не знала, на кого сердиться больше, на себя или неожиданного посетителя. Протерев глаза, она, спотыкаясь, вышла из спальни, моргая от солнечного света, и стала неуклюже возиться с замком.

Хмуро взглянув на Кейда, она спросила:

– Может, мне не стоит платить за аренду, если Лэвеллы решили сделать мой дом перепланировкой?

– Извини!

– Ничего.

Она приоткрыла дверь, что можно было, при желании, расценить как приглашение войти.

– Мне необходимо выпить кофе.

– Я тебя разбудил, – без всякого сожаления сказал он и проследовал за ней на кухню. – Фермеры считают, что все остальные тоже встают на заре. Я, – он остановился у открытой двери в спальню и выругался. – Черт возьми, Тори, у тебя даже кровати нет.

– Сегодня куплю.

– Но почему ты не остановилась у Джей Ара и Бутс?

– Потому что не хочу.

– Предпочитаешь спать на полу? А это что? – Он вошел было в комнату, но снова появился, держа в руке нож.

– Крючок для вязанья. У меня много ангорской шерсти.

В ответ он лишь пристально поглядел на нее, она же, громко хлопая шлепанцами, прошла на кухню.

– Я поздно заснула, и у меня плохое настроение, так что придержи язык.

Кейд все так же молча положил нож на место. Пока Тори отмеряла кофе и воду, он поставил на стол тарелку, которую принес с собой.

– Что это?

– Это прислала Лайла, она знала, что я буду проезжать мимо твоего дома. – Кейд приподнял фольгу. – Это кофейный кекс с кремом. Она говорит, что ты любила ее кексы.

Тори уставилась на кекс, и ее глаза наполнились слезами. Ни Кейд, ни она сама не ожидали такой реакции. Он хотел было подойти, но она предостерегающе подняла руку и, держа ее как щит между ними, отвернулась.

Преисполненный сочувствия, он погладил ее по волосам, однако она быстро отпрянула, и рука его повисла в воздухе.

– Передай, что я ей очень благодарна. Как она себя чувствует, хорошо?

– А почему бы тебе самой не приехать и не посмотреть?

– Нет, пока не смогу. Еще не скоро.

Немного успокоившись, Тори открыла буфет и достала чашку.

– Присоединишься?

И оглянулась на него через плечо. Глаза уже высохли, взгляд был ясный. «А он совсем не похож на фермера», – подумала она. Да, он загорелый и худой, и волосы кое-где повы-

горели на солнце. И джинсы были старые, и рубаха выцвела. Из нагрудного кармана свисали небрежно, на одной дужке, солнцезащитные очки. Нет, он похож на фермера, но такого, каким его представляют себе голливудские сценаристы: молодой, преуспевающий южанин с сексуальной, обаятельной улыбкой.

Но Тори не верила рекламным образам.

– Полагаю, мне надо проявлять вежливость.

– Нет, ты можешь быть грубой и несносной, но сама об этом потом пожалеешь.

Он заметил, что у нее есть четыре чашки и четыре блюдца благоприличного белого цвета. Имелась у нее также автоматическая кофеварка, а вот кровати не было. Полки были уже аккуратно завешаны, и тоже чем-то белым, а вот стульев – ни одного.

И что же все это может рассказать о Тори Боден?

Она взяла другой нож и, приготовившись отрезать ему кусок кекса, вопросительно подняла брови. Он показал пальцами, давая знать, что предпочитает кусок побольше.

– Уже нагулял за утро аппетит? – спросила она и разрежала кекс.

– Да и я к нему принохивался всю дорогу сюда. – Кейд поставил на стол десертные тарелки. – Почему нам не присесть на крыльце? Я предпочитаю черный кофе, – добавил он и вышел.

Тори лишь вздохнула и налила две чашки кофе.

Он сидел на ступеньках, прислонившись спиной к столбику перил. Она села рядом и, отхлебывая кофе, смотрела на его поля.

«Да, я скучала по этому пейзажу», – вдруг поняла она, скорее с удивлением, чем с грустью. Ей не хватало здешнего утра, когда жара еще только подступает, когда так чудесно поют птицы, а поля зеленеют и растут словно на глазах.

Даже ребенком она любила такие утра, когда, сидя на каменной, в трещинках, ступеньке, она смотрела, как наступает день, и предавалась наивным мечтам.

– Хорошо улыбаешься, – заметил он. – Это из-за кекса или моего общества?

Улыбка моментально исчезла с ее лица.

– А почему ты проезжал сегодня мимо, Кейд?

– Надо осматривать поля, проверять работников, – и он откусил от кекса. – И мне хотелось опять взглянуть на тебя.

– Почему?

– Убедиться, что ты действительно хорошенькая, какой показалась мне вчера вечером.

Тори покачала головой, тоже откусила немного кекса и вдруг очутилась в замечательной кухне мисс Лайлы. И так приятно было воспоминание, что она улыбнулась опять и откусила кусочек.

– Нет, правда, почему?

– Сегодня ты выглядишь немного лучше, чем вчера, – продолжал он словоохотливо, – и при этом надо иметь в виду, что тебе не слишком-то хорошо спалось на голом полу. Ты замечательно варишь кофе, – одобрительно кивнул Кейд.

– Но это не значит, что тебе надо проверять и меня. Мне здесь хорошо, и потребуется всего пара дней, чтобы устроиться. Тем более что я подолгу буду отсутствовать. Обустройство магазина займет много времени.

– Пообедаешь сегодня со мной? – неожиданно спросил он.

– С какой стати?

Кейд не ответил, и она взглянула на него. В глазах его светилась усмешка, губы слегка улыбались. Дружески, и в этом дружелюбии она усмотрела нечто, чего успешно избегала несколько лет. Откровенный мужской интерес.

– Нет-нет! – Она залпом допила свой кофе.

– Ответ в высшей степени решительный. Что ж, давай перенесем обед на завтрашний вечер.

– Нет, Кейд. Это, разумеется, лестное предложение, но у меня нет ни времени, ни желания для подобных... вещей.

Он вытянул ноги и скрестил их.

– Не знаю, что подразумевается под словом «вещи» на данной стадии отношений. Я же имею в виду – вкусный обед в приятной компании.

– Я не хожу на свидания, – отрезала Тори.

– Это религиозный обет или социальная установка?

– Мой личный выбор. А теперь... – Она встала, потому что он так удобно и, очевидно, надолго расположился на ее крыльце. – Извини, но у меня много дел на сегодня. Я уже выбилась из графика.

Кейд встал и заметил, как широко раскрылись и стали зоркими ее глаза, когда он слегка придвинулся.

– Кто-то очень грубо с тобой обошелся, да?

– Нет.

– В том-то все и дело, Тори. – Он подался назад. Ему не хотелось, чтобы это сделала она. – Но я не буду груб. Спасибо за кофе.

Он спустился к машине и, открыв дверцу, обернулся и смерил ее долгим пристальным взглядом. Пусть привыкает.

– Я ошибся! – крикнул Кейд уже из машины. – Ты сегодня такая же хорошенькая, как вчера.

Она невольно улыбнулась, и он тоже, перед тем как выехать со двора.

Оставшись одна, Тори снова села на ступеньку.

– Черт побери, – пробормотала она и набила рот кексом.

6

Независимые банки в маленьких городах медленно угасали. Тори это было известно, потому что ее дядя, управляющий «Прогресс Бэнк энд Траст» в течение двенадцати лет, не уставал об этом напоминать. И она выбрала бы этот банк, даже если бы у нее не было никаких родственных отношений с управляющим. Это был разумный шаг. Банк находился в двух кварталах от ее магазина: немаловажное удобство. Старое здание из красного кирпича любовно поддерживалось в надлежащем виде, что усугубляло обаяние старины. Лэвеллы основали банк в 1853 году и сохранили на него права собственности.

«В этом, – подумала Тори, направляясь к входной двери, – стержень всякой политики. Если хочешь иметь в Прогрессе прибыльное дело, его надо делать под эгидой Лэвеллов. Им здесь принадлежит почти все».

Внутри здание банка изменилось. Она помнила, когда приходила к бабушке, что служащие сидели в железных отсеках, как звери в зоопарке. Теперь ее встретило открытое пространство, а за длинной высокой стойкой сидело всего четверо. На задней стене прибавилось окошко, а на массивных старинных столах возвышались современные компьютеры. На стенах висели хорошие картины с пейзажами Южной Каролины и морскими видами. Да, кто-то сообразил, каким образом модернизировать здание, не изгнав дух старины. «Интересно, – подумала Тори, – не удастся ли уговорить дядю приобрести еще одну картину из тех, что я выставлю на продажу в своем магазине?»

– Тори Боден, неужели это ты?

Слегка вздрогнув, Тори взглянула на женщину за стойкой. Стараясь вычислить, кто это, Тори изобразила улыбку.

– Привет.

– Как приятно снова увидеть тебя. Ты так выросла.

Говорившая была миниатюрна, едва ли метр пятьдесят пять ростом. Она вышла из-за стойки, простирая руки.

– Всегда знала, что ты станешь хорошенькой. Но ты меня, наверное, не помнишь.

Казалось почти грубостью не помнить человека при виде такой искренней радости с его стороны.

– Извините.

– Незачем извиняться. Ты же была еще маленькой, когда мы виделись в последний раз. Я Бетси Глюк. Твоя бабушка занималась со мной, когда я только что окончила школу. Помню, ты иногда приходила к ней и сидела тихонько, словно мышка.

– И вы угощали меня леденцами.

Хоть это она, слава богу, вспомнила и снова ощутила на языке вкус вишни.

– Подумать только, и ты это все еще помнишь, хотя прошло столько времени.

Глаза Бетси радостно блестели. Она стиснула руки Тори.

– Ты пришла повидаться с Джей Аром?

– Если он занят, я могу...

– Не глупи. Он распорядился сразу же проводить тебя к нему в кабинет.

Она обняла Тори за талию и повела к двери, расположенной в глубине комнаты. «Придется привыкать, – напомнила себе Тори, – к прикосновениям людей». Она справится. Она не должна казаться чужой.

– Наверное, это здорово – открыть свой собственный магазин. Я просто дождаться не могу, когда можно будет зайти.

Дверь распахнулась, и весь проем заняла фигура Джей Ара. Тори всегда поражалась, какой он большой. Загадка природы, что такая маленькая женщина, как ее бабушка, когда-то произвела на свет огромного сына.

– Вот она! – Раскатистый, громкий голос его был под стать фигуре. Он сжал ее в объятиях. Тори к этому приготовилась, и все же у нее дух захватило, когда дядя поднял ее в воздух и стиснул в медвежьих объятиях. И, как всегда, она рассмеялась.

– Дядя Джимми. – Тори уткнулась лицом в его бычью шею и наконец-то почувствовала, что вернулась домой.

– Джей Ар, вы ее сломаете, как прутик.

– Она маленькая, – и Джей Ар подмигнул Бетси, – но зато жилистая. Устрой так, чтобы нас несколько минут не беспокоили, хорошо, Бетси?

– Нет проблем. Добро пожаловать домой, Тори, – добавила Бетси и закрыла за собой дверь.

– А теперь садись. Хочешь чего-нибудь. Кока-колы? Чаю?

– Нет, ничего не хочу. Все отлично.

Она не стала садиться.

– Мне надо было вчера вас навестить.

– Не сокрушайся. Ты же пришла.

Он прислонился к столу. Росту в нем было шесть футов два дюйма. Рыжие волосы не поседели, в них проблескивали иногда лишь редкие серебристые нити. Зато щеточка усов, придававшая круглому лицу несколько заливчатый вид, стала совсем серебряной, и кустистые брови тоже. Глаза у него были скорее голубые, чем серые, и всегда казались ей такими добрыми.

Внезапно он широко улыбнулся:

– А ты стала совсем городской. И такая хорошенькая и ухоженная, будто телезвезда. Бутс будет приятно тебя продемонстрировать своим приятельницам.

Тори невольно зажмурилась, и он рассмеялся.

– Ну, ты ей походи немного навстречу, ладно? У нее никогда не было дочки, а ей страстно хотелось ее иметь. От Уэйда толку мало, никак не женится, не хочет подарить ей внучек, которых она могла бы наряжать и баловать.

– Но если она захочет надеть на меня кружевной передник, у нас будут неприятности. Я непременно навещу ее, дядя Джимми, но сначала мне надо устроиться, начать дело. Через несколько дней уже должен поступить товар.

– Значит, уже собираешься работать?

– Не дождусь, когда начну. Я давно уже мечтаю об этом. Надеюсь, «Прогресс Бэнк энд Траст» откроет мне счет.

– У нас всегда найдется местечко для нового вклада. Я сам этим займусь буквально через минуту. А ты, детка, как я слышал, арендовала старый дом?

– У Лисси Фрэзир, наверное, самый длинный язык во всем Прогрессе? – усмехнулась Тори.

– Она бежит ноздря в ноздю с еще некоторыми леди. Я не собираюсь нажимать на тебя, но Кейд Лэвелл не будет держаться за эту аренду, если ты передумаешь. А мы с Бутсом хотим, чтобы ты поселилась у нас. Места у нас достаточно, слава богу.

– Я признательна вам, дядя Джимми, но...

– Нет, подожди. Не отказывайся сразу. Ты взрослая женщина. Глаза у меня есть, и я это ясно вижу. Ты уже несколько лет живешь самостоятельно. Но то, что ты живешь на отшибе, не может мне нравиться, и то, что живешь в этом самом доме. Не вижу, какие тебе это дает преимущества.

– Дело не в преимуществах, а в необходимости. Он меня бил в том доме.

Джей Ар закрыл глаза. Тори подошла ближе.

– Дядя Джимми, я это сказала не для того, чтобы уязвить вас.

– Да, мне надо было тогда вмешаться. Я должен был вытащить тебя оттуда. Вас обеих.

– Но мама бы не захотела уйти. – Теперь Тори заговорила мягче. – Вы же знаете.

– Но я не знал, насколько все это было скверно, тогда не знал. Не очень-то вникал. Однако теперь я все знаю, и мне не нравится то, что ты поселилась там и все время вспоминаешь о прошлом.

– Я помню об этом, где бы ни была. А, живя на старом месте, я чувствую, что могу жить дальше, даже вспоминая о том, что было. Больше я его не боюсь. И не хочу позволять себе бояться.

– Но почему тебе не пожить там несколько дней...

Он только вздохнул, когда Тори покачала головой.

– Таков мой крест: жить в окружении упрямых женщин. Ладно, присядь, пока я подготовлю документы на твой вклад.

В полдень зазвонили, возвещая об урочном часе, колокола баптистской церкви. Тори отступила на шаг и вытерла пот с лица. Ее витрина сверкала, как бриллиант. Она вынула коробки из машины и внесла их в кладовую. Она измерила стены для полок и прилавков и составила список требований к риелтору. Тори составляла еще один список на скобяные товары, когда кто-то постучал в треснувшую стеклянную дверь. Тори подошла, чтобы открыть, и внимательно оглядела мужчину в рабочей одежде. Темные, хорошо подстриженные волосы, гладкое красивое лицо с легкой, немного кривой, усмешкой, темные очки.

– Извините, магазин еще не открыт.

– Такое впечатление, что тебе требуется плотник и стекольщик. – Мужчина постучал по трещине на двери. – Как идут дела, Тори?

Он снял очки. Глаза у него были темные, пристальные, под правым виднелся крошечный, похожий на крючок, шрам.

– Дуайт Фрэзир.

– Я тебя не узнала.

– На пять дюймов повыше, на несколько фунтов полегче с последней нашей встречи. Я подумал, что, как мэру, мне стоит приветствовать тебя, а также взглянуть, не могут ли понадобиться услуги моей строительной компании. Не возражаешь, если я на минуту зайду?

– Да, разумеется. – И Тори подалась назад. – Но пока еще смотреть не на что.

– Здесь много места.

Он легко двигался – заметила она, – совсем не тот неуклюжий толстый подросток, каким был когда-то. Не было зубных шин и стрижки наголо, на которой настаивал отец. Дуайт выглядел спортивным. Преуспевающим. Он так преобразился, что узнать его было невозможно.

– Солидное здание, – продолжал он, – с прочным фундаментом. И крыша хорошая.

Дуайт повернулся к ней, сверкнув белозубой улыбкой, за которую его протезист приобрел роскошнейший джип.

– Я точно знаю, мы ее крыли два года назад.

– Теперь я знаю, к кому обращаться, когда она протечет, – пошутила Тори.

Он рассмеялся и зацепил темные очки дужкой за воротник тенниски.

– Фрэзиры строят надолго. Тебе понадобятся полки, прилавки, витрины?

– Да, я как раз сейчас снимала мерку.

– Могу послать тебе хорошего плотника. Он все сделает быстро и за разумную цену.

Это было бы уместно и опять же патриотично – использовать местную рабочую силу. Если, конечно, она впишется в ее бюджет.

– Знаешь, наши представления о разумных ценах могут не совпадать.

Он улыбнулся. Улыбка была лучезарная и обворожительная.

– Вот что я скажу тебе. Позволь мне вынуть из грузовика кое-какие заготовки. Ты скажешь, чего хочешь, а я назову цену. И, смотришь, столкнемся.

Дуайт чувствовал, как она его внимательно разглядывает, «измеряет», так сказать, пока он вымеривал ее стены. Он к этому привык. Когда он был мальчиком, отец все время измерял его взглядом с ног до головы, и всегда в его глазах сын не дотягивал до нужной мерки.

Дуайт Фрэзир, бывший моряк, страстный охотник, городской советник и основатель «Строительной компании Фрэзира», имел очень высокие стандарты, которым плод его чресл никак не соответствовал. Его разочарование при первом взгляде на недоразвитого слабого отпрыска было недвусмысленным и жестким, и Дуайту-младшему никогда не разрешалось об этом забывать.

Да, действительно, он в буквальном смысле слова не дотягивал до мерки. Низенький, толстый, неуклюжий, он был отличной мишенью для шуток, насмешек и отцовского разочарования.

Хуже всего то, что у него были мозги. А в мальчишеский период жизни это самая скверная комбинация: рыхлое тело, неуклюжие ноги и острый ум. Учителя его обожали, что было равносильно тому, как если бы он нацепил на себя плакатик с надписью: «Дай мне пинка под зад». Мать старалась в меру своих сил и возможностей примирить его с положением, закармливая его. Дорогая мамочка считала, что коробка шоколадных конфет – лекарство от всех несчастий жизни.

Спасителями явились Кейд и Уэйд. Почему они с ним подружились, это навсегда осталось для Дуайта загадкой. Отчасти причиной тому было социальное происхождение. Все трое были выходцами из лучших семей города. И за это Дуайт был и всегда оставался благодарен судьбе. Возможно, он все-таки самую чуточку на нее негодовал, зачем она создала двух его друзей высокими, красивыми и ловкими, а его толстым, некрасивым и неуклюжим, но он смирился с этим. И со временем взял реванш.

– С четырнадцати лет я стал заниматься бегом, – сказал он как бы между прочим, снова вынимая линейку.

– Извини, чем?

– Ты удивлена? – Он нагнулся, что-то записал в блокнот. – Устав быть толстым, я решил что-то предпринять. Избавиться в течение двух месяцев от двенадцати фунтов жира. Сначала я бегал по ночам, когда меня никто не мог увидеть. Я уставал, как три собаки, вместе взятые. Я отказался от кексов, леденцов и чипсов, которые моя матушка совала мне каждый день на ленч. Думал, что помру с голода.

Он выпрямился и снова ослепительно улыбнулся.

– В первый год учебы в средней школе я стал бегать по шоссе, тоже ночью. У меня все еще был лишний вес, бегал я медленно, но чувствовал себя гораздо лучше. Надо сказать, что тренер Хайстер выезжал на ночные прогулки в своем седане в компании чужой жены. Я не назову ее по имени, так как эта дама по-прежнему замужем и гордится своими тремя внуками. Подержи-ка, милая, вот здесь.

Тори как зачарованная взяла линейку, а Дуайт отошел, чтобы вымерить шагами пространство для будущего прилавка.

– Ну и случилось однажды, что мы одновременно оказались с тренером Хайстером на шоссе и я увидел тренера и будущую бабушку троих внучат. Как ты понимаешь, момент был самый неподходящий.

– Это еще мягко сказано.

– «Если только пикнешь, пожалеешь об этом», – заявил тренер, схватив меня за горло. И он не шутил. Однако, будучи человеком справедливым, а может, просто подозрительным,

тренер предложил мне сделку. Если я сброшу еще десять фунтов, он включит меня в команду будущей весной. Мы заключили молчаливое соглашение: я забуду об этой нашей встрече, а он меня не убьет и не похоронит где-нибудь в тайной могиле.

– Соглашение оказалось выгодным для обеих сторон, – заметила Тори.

– Для меня уж точно. Я сбросил вес, чем поразил всех, включая самого себя, и выиграл забег на стопятидесятиметровку. Я стал хорошим спринтером. Я выигрывал приз «Все звезды» три года подряд, а также получил в награду любовь хорошенькой Лисси Харлоу.

Тори почувствовала расположение к Дуайту, особого рода солидарность одного бывшего аутсайдера к другому.

– Интересная история со счастливым концом.

– Надеюсь, что смогу обеспечить и тебе такой же с этим магазинчиком. Приглашаю тебя на ленч, все и обговорим.

– Я не... – Тори не договорила, так как за спиной у нее отворилась дверь.

– Только не говори, что ты наняла этого шустрого прощельгу. – Вошедший Уэйд обнял Тори за плечи. – Слава богу, я подросел вовремя.

– Этот щенячий доктор ничего не смыслит в строительстве, – не остался в долгу Дуайт. – Иди и поставь клизму пуделю, Уэйд. Я собираюсь пригласить твою хорошенькую кухню и мою потенциальную клиентку на ленч.

– Тогда я пойду вместе с вами, чтобы защитить ее интересы, – парировал Уэйд.

– Но мне полки нужнее, чем еда, – ввернула наконец Тори.

– Я позабочусь, чтобы ты получила и то, и другое, – и Дуайт подмигнул ей. – Пойдем, милая, и захвати с собой этот бесполезный мешок с костями.

Тори оторвалась от дела на тридцать минут и провела их с большим удовольствием, чем можно было ожидать. Было приятно наблюдать зрелую дружбу, связывающую Дуайта и Уэйда, которая возникла, насколько она помнила, еще в их мальчишеские годы.

И она снова пожалела, что у нее нет Хоуп.

Она чувствовала себя непринужденно в компании этих мужчин, ведь один приходился ей двоюродным братом, а другой был благополучно женат. Дуайт с гордостью показывал фотографии сына, пока им не принесли сэндвичи. Тори, наверное, в любом случае произнесла бы полагающиеся при этом слова восхищения, но малыш действительно был очарователен. Хорошенькое личико он унаследовал от Лисси, а пронизательные, внимательные глаза от Дуайта. Когда она приступила к деловому разговору, то он прошел легко и конструктивно. Дуайт не только понимал с полуслова, что ей хотелось, но внес несколько дельных предложений, и все укладывалось в намеченные ею бюджетные рамки. Подводя итоги деловых переговоров, он пообещал, что все работы будут закончены к середине мая.

Теперь, когда основные проблемы были решены, Тори могла заняться обустройством. Она пошла и купила кровать. Вообще-то она собиралась подобрать матрас и подставку с пружинами. За годы строгой экономии она не позволяла себе никаких импульсивных покупок и теперь испытывала глубокое удовлетворение потому, что приобрела хорошую вещь.

Она попала на крючок в ту же секунду, как кровать попала в поле ее зрения. Тори дважды уходила и возвращалась обратно. Цена была не чрезмерная, однако ей не нужна была такая красивая кровать с изящными никелированными столбиками в изголовье и изножье. Да, кровать была хорошая, но особой необходимости в ней не было. Крепкая подставка и упругий матрас – вот все, что ей нужно. Ей надо лишь место, где спать, и все. Тори ругала себя, доставая кредитную карточку, пока ехала на склад, а потом домой. А затем она была слишком занята, чтобы осыпать себя упреками.

Стоя между рядами только что прополотого хлопка, Кейд минут десять наблюдал за ее героическими усилиями. Затем, выругавшись, сел в машину и подъехал к ее дому.

– Могла бы и позвать на помощь.

Тори уже выбилась из сил, пряди волос прилипли к потному лицу, однако она ухитрилась затащить тяжелый ящик на ступени крыльца. Она выпрямилась и перевела дух.

– Что?

– Подожди, я подниму с этой стороны.

– Не нужна мне твоя помощь, – огрызнулась Тори.

– Не будь дурой и придержи дверь.

Спотыкаясь, она поднялась к двери и с усилием ее распахнула.

– Ты что, здесь днюешь и ночуешь?

Кейд снял темные очки и отбросил их в сторону. Из-за этой привычки ему дважды приходилось покупать новые каждый месяц.

– Ты видишь вон то поле? Оно мое. А теперь посторонись, мне надо поднять эту штуку.

Что же это за чертова кровать такая?

– Железная, – ответила Тори, с удовлетворением наблюдая, как он старается изо всех сил.

– Представляю. Ее надо пронести в дверь боком.

– Знаю.

Тори расставила ноги, нагнулась и взялась за свой конец. Затратив много усилий, покрикивая друг на друга, они все-таки протащили ящик в дверь спальни.

– Спасибо, – руки у нее стали как резиновые, – теперь я управлюсь сама.

– У тебя есть инструменты?

– Ну, разумеется.

– Хорошо, доставай их, – по-хозяйски распорядился Кейд, – не придется ездить за моими.

Раздраженно Тори откинула со лба потные волосы.

– Я сама все сделаю.

– Ты слишком упрямая, чтобы я отступился. Понимаешь, мне мое джентльменское воспитание не позволяет оставить даму в беде.

Он взял ее руку, осмотрел ссадины и легонько поцеловал, прежде чем она успела ее отдернуть.

– А ты залепи их пластырем, пока я буду возиться.

«Можно его оскорбить, накричать, выгнать вон, но все это пустая трата времени», – подумала Тори и достала инструменты.

Кейд с одобрением осмотрел ее черный ящичек с инструментами.

– Ты, как я вижу, укомплектовалась на все случаи жизни?

– А ты сам отличишь отвертку от клещей?

Явно забавляясь, он вытащил из ящика щипцы с заостренными концами.

– Неужели это ножницы?

Тори рассмеялась, а он начал срывать ленты скотча с коробки.

– Надень перчатки.

– И так сойдет.

Он даже не взглянул на нее, и голос не изменился, но в нем возникли отчетливые повелительные интонации.

– Надень. И потом, почему бы тебе не приготовить какое-нибудь прохладительное?

– Послушай, Кейд, оставь этот тон, я не маленькая послушная хозяйюшка.

Теперь он взглянул на нее, смерив с головы до ног холодным взглядом.

– Ты маленькая. И ты женщина. Не выводи меня из себя, я работаю острым инструментом.

– Полагаю, мой вопрос, умеешь ли ты им действовать, сгонит улыбку с твоего лица.

– А я полагаю, что, если скажу, какая ты сексуальная, когда вот так злишься, это не заставит тебя опробовать кровать со мной, как только мы ее воздвигнем?

– Господи Иисусе! – Все, что она сумела ответить, и вышла из комнаты.

Тори оставила его в одиночестве. Она слышала, как он стучит и время от времени бранится. Она тем временем принесла из машины пакеты с продуктами, убрала их на полки и заварила чай. Тори вспомнила длинные кисти рук Кейда. Изящные пальцы пианиста и, по контрасту, жесткие, мозолистые ладони. Он, конечно, умеет сажать, ухаживать за посевам и собирать урожай. Его к этому приучали с детства. Но повседневные хлопоты и заботы по дому? Это совсем другое дело. Пусть, пусть повозится и попотеет, раз уж вызвался.

Она повесила новый настенный телефон в кухне, убрала лишнюю посуду и неторопливо стала резать лимон для чая. Довольная тем, что дала ему достаточно времени для полного конфуза, она налила воды в два стакана со льдом, положила кружки лимона и направилась с ними в спальню.

Кейд как раз завинчивал последний болт. Глаза у нее загорелись, и она тихонько ойкнула от искреннего восторга.

– Ой, как замечательно! Я знала, что не ошибаюсь.

Тори с размаху опустилась на кровать и ласково коснулась ладонями железных краев.

Внезапно он ощутил такой прилив желания, что отступил на шаг. Он явственно увидел, как она обвивает пальцами железные столбики в то время, как он овладевает ею. Еще раз, еще – сильнее и глубже, пока эти колдовские глаза с тяжелыми веками не станут серыми, как дым.

– Ты хорошо справился с этим делом, а я тебе нагубила. Спасибо и прости.

– Пожалуйста, забудь.

Кейд отдал ей стакан и дернул шнурок потолочного вентилятора.

– Здесь жарко.

Ему очень хотелось поцеловать ее в то место под левым ухом, где начинается изгиб челюсти. Голос у него был глухой, и она почувствовала новый прилив вины.

– Да, я была несдержанна, Кейд. Я не очень-то лажу с людьми.

– Не ладишь с людьми? И хочешь открыть магазин, где придется ладить с ними ежедневно? – удивился он.

– Ну, это покупатели. С покупателями я очень обходительна. Я просто обворожительна с ними.

– Значит, – и Кейд придвинулся поближе, так что оказался у изножья кровати, – если я что-нибудь у тебя куплю, ты будешь со мной мила?

Ей не надо было знать его мысли, она их прочла в его взгляде.

– Мила, однако не настолько.

Она поднялась с кровати.

– Я буду очень хорошим покупателем.

– Ты опять хочешь меня разозлить?

– Да, я опять тебя злю, Тори. – Он положил ей руку на плечо. – Не надо, – сказал Кейд мягко, так как она вся напряглась. Он поставил ее стакан на пол и развернул ее к себе лицом. – Я же не сделал тебе ничего плохого, правда?

У него были нежные руки. И так давно она не чувствовала ласкового мужского прикосновения.

– Меня флирт не интересует.

– А меня интересует очень, но мы можем пойти на компромисс. Давай постараемся стать друзьями.

– Я плохой друг.

– А я хороший. Почему бы нам не принести и матрас, чтобы ты хорошо в эту ночь выспалась? – И Кейд направился к двери.

Она ведь твердо решила, что ни с кем не будет говорить об этом. И не с ним, конечно. Ни с кем, пока не будет готова. Пока не окрепнет и не получит подтверждение. Но желание высказаться распирало ее.

– Кейд, ты никогда не спрашивал. Ни тогда, ни теперь. Ты никогда не спрашивал, как я узнала.

Он повернулся и молча уставился на нее. У Тори мгновенно вспотели ладони. Она обхватила себя за талию.

– Ты никогда не спрашивал, как я узнала, где ее искать. И как я узнала о том, что случилось. Некоторые думают, что я была с ней в ту ночь. Думают, что я убежала и бросила ее. Что я ее бросила!

– Но я так не думаю.

– А те, кто мне поверил, решили, что я ее сглазила, стали меня сторониться и не позволяли своим детям играть со мной. Они перестали смотреть мне в глаза.

– Но я всегда смотрел, Тори, и тогда, и теперь смотрю.

Она вздохнула, стараясь немного успокоиться.

– А почему? Если ты можешь поверить, что во мне есть нечто *такое*, почему ты не отступишься от меня? Почему все время приходишь? Ты хочешь, чтобы я предсказала тебе твоё будущее? А я этого не могу. Или ты ждешь от меня каких-то деловых советов? Напрасно.

Лицо ее вспыхнуло, глаза потемнели от бурных чувств. И самое заметное из них было чувство гнева.

Кейд не собирался подыгрывать ее настроениям или, во всяком случае, делать то, что она от него ожидала.

– Я предпочитаю жить нынешним днем, не загадывая на будущее, – спокойно сказал он. – И у меня есть специальный служащий, который ведет мои дела. Неужели тебе не приходило в голову, что я приезжаю, потому что мне приятно на тебя смотреть?

– Нет.

– Тогда ты, значит, первая и единственная из женщин, начисто лишенная тщеславия. Не повредило бы иметь хоть чуточку. А теперь... – И он сделал многозначительную паузу. – ...Ты хочешь, чтобы я принес матрас, или поразишь меня, сказав, что я ел на ленч?

Разинув рот, Тори глядела, как он вышел во двор. Неужели он просто-напросто обратил все в шутку? Люди или насмехались над ней, или многозначительно тарасили глаза. Или предусмотрительно сторонились ее. Иногда к ней обращались с просьбой решить проблемы, отвести от них несчастье. Но еще никто, насколько она помнила, над этим не шутил.

Она расправила плечи, чтобы снять напряжение, и пошла за ним – помогать нести матрас.

Теперь они все делали молча. Тори думала о том же, его мысли бродили неизвестно где. Когда с кроватью было покончено, Кейд залпом допил чай, отнес стакан в кухню и направился к выходу.

– Ну теперь ты сама справишься, а мне пора, я уже немного опаздываю.

«Нисколько ты не опаздываешь», – подумала Тори и бросилась за ним.

– Я очень ценю твою помощь. Честное слово. – Повинуясь ли импульсу, а может быть, внезапной обиде, она схватила его за руку.

Он остановился и взглянул на нее сверху вниз.

– Ну что ж, тогда вспомни обо мне сегодня, когда отправишься в страну грез.

– Я знаю, ты потратил дорогое время. А что ты сказал насчет ленча?

– Ленча? – смущенно переспросил он. Но этого было достаточно.

– Да, сегодня на ленч ты съел половину сэндвича с ветчиной и швейцарской горчицей.

А вторую половину ты отдал тощей черной собаке, которая приходит к тебе за подаянием каждый раз, как увидит тебя на поле.

Она улыбнулась и отошла.

– Так что скоро ты проголодаешься и сядешь ужинать.

На минуту он задумался и, повинувшись инстинкту, спросил:

– Тори, почему бы тебе не рассказать мне, о чем я думаю в данную минуту?

Она чуть не расхохоталась.

– Думаю, не стоит вторгаться в мир твоих мыслей. Оставь их при себе.

И захлопнула за собой дверь.

7

Только благодаря цветам, всегда думала Маргарет, она не потеряла рассудок. Когда она ухаживала за цветами, они молчали, никогда не грубили, не говорили, что она ничего не понимает. Она могла беспрепятственно отрывать лишние веточки и листья, чтобы придать растению надлежащий вид – тот самый, который она предпочитала.

Ей бы гораздо лучше жилось, если бы она осталась старой девой и растила пионы, а не детей. Но от нее ждали замужества. Она поступила так, как от нее ожидали. Иногда она чуточку превосходила ожидаемое и очень-очень редко ожидания обманывала.

Она любила мужа, ведь этого от нее, разумеется, тоже ожидали. Джаспер Лэвелл был красивым молодым человеком. Он обладал изрядным обаянием. Иногда он лукаво улыбался. И эту усмешку она видит иногда на лице сына. Муж был вспыльчив, тот же самый взрывной характер она узнавала в своей дочери. Живой дочери.

Муж был высокий, сильный. Он громко смеялся, у него были мозолистые ладони. Он заполнял собой все видимое ей пространство, себя она никогда не могла разглядеть, поэтому и в детях видела преимущественно его черты. Ее сердило, как мало от нее запечатлелось в детях, которых она родила. Тогда Маргарет решила оставить заметный отпечаток самой себя на усадьбе «Прекрасные грезы». Здесь ее влияние и власть укоренились так же глубоко, как дубы по обе стороны подъездной аллеи. И это заставляло ее гордиться усадьбой больше, чем сыном или дочерью.

Будь Хоуп жива, все бы могло быть по-другому. Если бы она осуществила все надежды и мечты, которые мать связывала с этой дочерью, то имя Лэвеллов засияло бы новым блеском, Джаспер остался бы сильным и верным и никогда бы не позорил себя отношениями с распутными женщинами и случавшимися время от времени скандалами. Он бы никогда не сбился с пути, по которому они пошли вместе, и не предоставил бы жене смывать пятна грязи с их общего имени.

Однако к концу своей жизни Джаспер превратился в настоящего буяна, а когда он не крушил все подряд, то напивался до беспамятства. Да, жизнь с ним была полна событий. Взять хотя бы тот факт, что Джаспер получил инфаркт в постели любовницы. Другой факт, что у женщины хватило разума и чувства собственного достоинства уйти в тень, в то время как она сама старалась загладить инцидент, мешал Маргарет, как кость в горле.

И все же, учитывая все эти усилия и их результат, быть его вдовой было гораздо легче, нежели женой. Непонятно, почему она именно сейчас так много о нем думает, в это благословенно прохладное утро, когда роса еще не высохла на ее цветах и небо по-прежнему мягкого голубого цвета. Джаспер был хорошим мужем. В первые годы их брака он был сильным, удачливым хозяином, который сам принимал все решения, так что ей не приходилось вникать в разные мелочи. Он был внимательным отцом, правда, чуточку снисходительнее, чем нужно. Обоюдная страсть успокоилась к первой годовщине их супружества. Но страсть – беспокойный и отвлекающий элемент жизни, такая ненасытная и изменчивая эмоция. Не то чтобы она ему когда-либо отказывала, она ни разу не отвернулась от него в постели. И Маргарет гордилась этим обстоятельством, гордилась тем, что была хорошей, исполняющей свой долг женой. Даже когда от одной мысли о сексе ее начинало тошнить, она лежала молча и давала ему возможность удовлетворить свои потребности.

Щелкая лезвиями садовых ножниц, она отстригла еще несколько увядших головок и положила их в корзину. Это он от нее отвернулся, это он изменился. Ничто не осталось прежним в их браке, в их жизни, в их доме после того ужасного утра, того знойного августовского утра, когда они нашли свою Хоуп...

«Милая, добрая Хоуп», – подумала она и вновь ощутила тупую боль, которая стала тяжелее с годами. Хоуп, ее светлый ангелочек, единственная из ее детей, кто действительно был связан с ней прочными, верными узами, которая по-настоящему принадлежала ей. Иногда, и так случалось все эти годы, Маргарет задавала себе вопрос: не была ли смерть Хоуп своего рода наказанием? Но какое преступление, какой грех совершила она, Маргарет, чтобы заслужить такое наказание?

Наверное, это грех снисходительности. Попустительства. Она шла на уступки дочери, когда было бы правильнее запретить милой, невинной Хоуп дружить с девчонкой Боден. Но это сейчас, по прошествии лет, кажется, что запретить было бы легче. Не запретила. Однако это была ошибка, но, конечно, не грех. А если это грех, то он скорее на совести Джаспера. Это он отметал ее тревоги, когда она о них заговаривала, и даже смеялся над ними. Девчонка совершенно безвредна, вот что он говорил. Безвредна. И Джаспер расплатился за свое непонимание, за ошибку, этот грех всей своей дальнейшей жизнью. Но этого оказывается недостаточно. Это никогда не кончится.

Девчонка Боден убила Хоуп, и это так же верно, как если бы она сама задушила ее своими грязными ручонками. А теперь она вернулась. Вернулась в Прогресс, вернулась в Дом на болоте, снова вернулась в их жизни, как будто имеет на это право.

Маргарет вырвала несколько травинок и бросила их в корзину. Ее бабушка говаривала, что сорняки – это растения, которым не посчастливилось вырасти на нужном месте. Нет, это не так. Все эти посторонние ростки – захватчики, их нужно выдергивать, срезать, уничтожать, чего бы это ни стоило.

Виктории Боден тоже незачем пускать корни и цвести в Прогрессе.

«Она такая миловидная», – размышлял Кейд. Его мать, эта достойная восхищения и недоступная женщина. Для работы в саду она одевалась так же, как для приемов, – тщательно, соответственно, с безукоризненным совершенством. На ней была широкополая соломенная шляпа с бледно-голубой лентой вокруг тульи, в тон длинной юбке и накрахмаленной блузке, поверх которой надет скромный серый фартук. В ушах раскачивались жемчужины, круглые белые маленькие луны, матово светящиеся под стать ее любимым гардениям.

Маргарет не красила волосы, и они побелели как снег, хотя ей было только пятьдесят три года. Она считала седину символом и возраста, и чувства собственного достоинства. Кожа у нее была гладкая, несчастья и тревоги никак на ней не сказались. И контраст красивого молодого лица и копны белоснежных волос был потрясающ.

Она тщательно следила за своей фигурой, безжалостно, как скульптор, лепила ее, отсекая все ненужное с помощью диеты и физических упражнений. Нежеланные фунты веса были столь же нетерпимы ею, как ненужные растения в саду. Уже восемь лет Маргарет вдовела и так естественно вошла в это положение, что было трудно припомнить ее в иной роли.

Кейд знал, что мать им недовольна. Свое неудовольствие она выражала сдержанно, как и одобрение. Он не мог вспомнить, когда она ласково, по-матерински тепло прикоснулась к нему. И он не помнил, что когда-либо ожидал этой ласки и теплоты.

Однако она была его матерью, и он делал все от него зависящее, чтобы сгладить отношения. Он знал, и очень хорошо, что небольшая трещина может превратиться в пропасть молчания.

Вокруг ее головы летала маленькая желтая бабочка, но Маргарет не обращала на нее внимания. Она знала о ее присутствии, как знала и то, что он подходит к ней, широко шагая по вымощенной кирпичом дорожке. Она и на это не обращала внимания.

– Хорошее утро, – начал он, – весна щедра на цветы.

– Ну небольшой дождь нам бы не помешал.

– Прогноз обещает его сегодня вечером. – Он наклонился к ней на расстоянии руки. В зарослях азалий сумасшедше жужжали шмели. – Почти весь хлопок уже пропололи. Надо поехать проверить скот. Несколько молодых бычков придется охолостить. Я все время езжу туда-сюда по делам. Тебе ничего не надо купить?

– Мне нужна жидкость против сорняков.

И она подняла голову. Глаза у нее были не такие синие, как у него, а спокойного, бледно-голубого цвета. Однако взгляд их был так же прям, как его.

– Если, конечно, ты не возражаешь против употребления ее из моральных соображений.

– Это твой сад, мама.

– А поля твои, насколько мне помнится. И делай с ними что хочешь. И недвижимость тоже принадлежит тебе. И ты сдаешь ее в аренду кому тебе заблагорассудится.

– Это верно. – Кейд тоже мог быть холодным и отчужденным. – И доход с полей и недвижимости идет на поддержание «Прекрасных грез». Во всяком случае, пока они моя собственность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.